

18+

Счёт

Я начинаю сомневаться, что мне когда-либо удастся ее забыть. **Дин**
Мы должны остановиться. Наверное. Может быть. Нет. **Элли**

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Main Street. Коллекция «Скарлет»

Эль Кеннеди

Счет

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Кеннеди Э.

Счет / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ», 2016 — (Main Street. Коллекция «Скарлет»)

ISBN 978-5-17-982421-3

Дин точно знает, чего хочет от жизни, и всегда добивается желаемого: успешная спортивная карьера, отличные отметки, популярность и внимание среди противоположного пола. Пока не встречает ее... Элли Хейз только что рассталась с парнем и не намерена вступать в новые отношения. Удастся ли Дину завоевать сердце той, на которую не действуют его чары, и на что он готов пойти ради любви?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-982421-3

© Кеннеди Э., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	14
3	23
4	28
5	35
6	43
7	51
8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эль Кеннеди Счет

Elle Kennedy

The score

Copyright © 2016 by Elle Kennedy

© Прокопьева Е., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

1

Элли

Мы можем поговорить?

Пжлста!

Какого хрена, Элли? После всего, что мы пережили, я могу рассчитывать на большее.

Ты же не серьезно, что между нами все кончено, да?

Черт, может, ты ОТВЕТИШЬ мне?

А знаешь что? Да пошло оно все. Хочешь и дальше игнорить меня?

Отлично. Мне плевать.

В пятницу вечером я выхожу из тренажерного зала Брайара и по дороге проверяю телефон. Меня ждут шесть непрочитанных сообщений. Все они от Шона, моего парня, который вчера стал бывшим. Конечно, этот эмоциональный переход от мольбы к злобе не остается незамеченным, но я ловлю себя на мысли, что отмечаю его грамматическую ошибку.

«Я могу рассчитывать на большее».

«Рассчитывать» вместо «рассчитывать». Сомневаюсь, что это из-за автозамены, потому что Шон действительно не семи пядей во лбу.

Хотя нет, не совсем так. В каких-то вещах он соображает лучше многих. Взять, например, бейсбол – он может назвать вам статистику по любому матчу, даже если тот состоялся в допотопных шестидесятых. Но вот грамотность – не его конек. Да и «лучший в мире парень» – тоже не про него, особенно в последнее время.

Я никогда не стремилась быть одной из тех, кто постоянно сходится-расходится с одним и тем же парнем. И была твердо убеждена, что у меня сильный характер и такого никогда не случится. Но Шон Маккол подчинил меня своей воле с первого года учебы в колледже Брайара. Он очаровал меня элегантным стилем и мальчишеской улыбкой. Ох уж эта его сногшибательная улыбка... чуть кривая, от которой появляются ямочки на щеках и которая полна обещаний.

Я снова смотрю на телефон, и внутри поднимается настороженность, как ветки плюща на стене здания позади меня. Уф, ну о чем он хочет поговорить? Прошлым вечером мы сказали друг другу все, что должны были. Когда напоследок, перед тем как в ярости выскочить из дома его братства, я объявила, что между нами все кончено, это было серьезно.

С меня *хватит*. За последние три года это уже наш четвертый разрыв. Я не могу больше вновь и вновь погружаться в этот безумный водоворот радостей и страданий, тем более что человек, с которым я намеревалась связать свое будущее, упорно продолжает тянуть меня на дно.

И все же сердце болит. Непросто расстаться с тем, кто достаточно долго играл чуть ли не главную роль в твоей жизни. Но еще тяжелее, если он отказывается отпустить тебя.

Вздыхнув, я сбегаю по ступенькам на выложенную брусчаткой дорожку, которая петляет по всему кампусу. Обычно я иду не спеша, чтобы полюбоваться великолепными старинными зданиями, коваными скамейками и огромными раскидистыми деревьями, – но сегодня мне хочется побыстрее вернуться в общежитие, залезть с головой под одеяло и отгородиться от всего мира. К счастью, мне это удастся, так как соседка по комнате Ханна уехала на выходные и я обойдусь без лекций о том, как опасны для психики страдания в одиночку.

Хотя вчера она не сильно умничала, а наоборот, стопроцентно вошла в режим «лучшая в мире подруга». Когда я ушла от Шона, стоило мне переступить порог, как Ханна уже ждала меня в нашей общей комнате с упаковкой мороженого, коробкой бумажных платочков и двумя бутылками красного вина. А потом она просидела со мной полночи, подавая мне платочки и слушая мою невнятную болтовню.

Паршиво, когда приходится разрывать отношения с кем-то. Я чувствую себя неудачницей и трусихой. Перед смертью мама дала мне последний совет: никогда не отказывайся от того, кого любишь. Вообще-то, она внушила мне это еще до того, как заболела. Не знаю всех деталей, но родители никогда не скрывали от меня, что за восемнадцать лет совместной жизни их брак не раз оказывался под угрозой. Однако они смогли выстоять – приложили *все усилия* для этого.

Каждый раз, когда я думаю о том, что ушла от Шона, меня начинает подташнивать. Может, мне стоило лучше бороться за нас. Ведь я знаю, что он любит меня...

«Если бы он любил тебя, то не стал бы выдвигать ультиматумы, – звучит в голове резкий голос. – Ты поступила правильно».

Горло сжимается, когда я узнаю этот голос. Он принадлежит моему отцу, который всегда и во всем меня поддерживает. Папа считает, что я всегда все делаю правильно.

Жаль только, что Шон не может посмотреть на меня его глазами.

Когда до Бристоль-Хауса, где находится наша с Ханной комната с двумя отдельными спальнями, остается идти минут пять, мой телефон начинает вибрировать.

Черт, еще одно сообщение от Шона.

Черт-черт-черт, потому что там написано:

Прости, что ругался на тебя, детка. Я не специально. Просто я очень расстроен. Ты очень много значишь для меня. Надеюсь, ты знаешь об этом.

И тут же выскакивает второе СМС:

Приду к тебе после занятий. Мы поговорим.

Я в панике, останавливаюсь как вкопанная. Я не боюсь Шона, в физическом плане – точно. Уверена, он никогда не поднимет на меня руку в порыве ярости. Меня пугает его умение уговаривать меня, что он делает мастерски. Ему достаточно назвать меня «деткой», сверкнуть своей улыбкой – и все, мне конец.

Пока я перечитываю его сообщения, во мне борются злость, ужас и раздражение. Чуть! Он ведь не явится ко мне без приглашения, правда?

Черт, вот *дерьмо!*

Дрожащими пальцами я набираю номер Ханны. После второго гудка мне отвечает успокаивающий голос подруги.

– Привет! Что случилось? С тобой все в порядке?

На заднем фоне слышен приглушенный разговор. Женский голос принадлежит Грейс Айверс, девушке Логана. Значит, Ханна и ее парень, Гаррет, уже едут в Бостон. Она пригласила Грейс и Логана поехать с ними, но я приглашение отклонила: мне не хочется быть лишней. Две влюбленные парочки и я? Нет уж, увольте.

Теперь же мне хочется оказаться с ними, потому что весь уик-энд я буду одна, а Шон хочет *поговорить*.

– Шон собирается зайти вечером, – тут же слетает с моего языка.

Ханна ахает.

– Что? *Ням!* Зачем ты согласилась...

– Я ни на что не соглашалась! Он даже не спросил моего разрешения. Просто прислал сообщение, написав, что зайдет ко мне.

– Какого черта? – Похоже, Ханна рассердилась не меньше меня.

– Да уж. – Меня вновь охватывает паника. – Мне нельзя встречаться с ним, Хан. Я еще достаточно тяжело переживаю наш разрыв. А если он придет, то ему наверняка удастся уговорить меня сойтись снова.

– Элли...

– Как думаешь, если я выключу везде свет и запру дверь, он уйдет, решив, что меня нет дома?

– Зная Шона? Он прождет под дверью всю ночь. – Ханна ругается себе под нос. – Знаешь, не стоило мне соглашаться ехать на игру «Брюинз». Мне нужно было остаться дома, с тобой. погоди, я попрошу Гаррета развернуться...

– Не вздумай! – обрываю я ее. – Ты *не* станешь отменять эту поездку из-за меня. Это твой последний шанс как следует повеселиться.

Парень Ханна – капитан хоккейной команды Брайара, и потому, как только начинается сезон, он постоянно занят на тренировках и матчах. Что, в свою очередь, значит, что они с Ханной будут видаться не так уж часто. Не хочу быть человеком, который испортит им столь редко выпадающие свободные выходные.

– Мне просто нужен совет. – Я проглатываю ком в горле. – Пожалуйста, скажи, что мне делать. Может, позвонить Трейси и попроситься к ней переночевать?

– Нет, будет лучше, если ты уедешь из Бристоля, чтобы не столкнуться в коридоре с Шоном. Может, лучше Меган... А, нет, к ней на выходные приехал ее новый парень. Наверняка им захочется побыть наедине. – Ханна задумалась. – А если позвонить Стелле?

– Они с Джастином съехались на прошлой неделе. Не думаю, что они обрадуются неожиданной гостье.

– погоди секунду. – Пауза затягивается. До меня доносится приглушенный голос Гаррета, но я не могу разобрать слов. И вот Ханна снова у телефона. – Гаррет говорит, что ты можешь остаться на весь уик-энд у него. Дин и Так будут дома, так что если Шон все же выяснит, где ты, и решит приехать, они выставят его вон. – На заднем плане снова звучат приглушенные голоса, и Ханна добавляет: – Можешь ночевать в комнате Гаррета.

Я молчу в нерешительности. Господи, это просто смешно. Поверить не могу, что решаю, не переселиться ли мне из-за Шона из собственной же комнаты! Но в голову лезут картинки, как он колотит в мою дверь. Или, еще хуже, выкинет что-нибудь в духе фильма «Скажи что-нибудь» и зайвится под мое окно с бумбоксом. О, а если он включит песню Питера Гэбриэла¹? *Ненавижу* ее!

– Ты уверена? – спрашиваю я.

– Ага. Все нормально. Логан уже отправляет сообщения Дину и Такеру. Можешь приезжать, когда захочешь.

По мне прокатывается волна облегчения, но маленькое чувство вины не дает покоя.

– Можешь переключить меня на громкую связь? Я хочу поговорить с Гарретом.

– Конечно, секунду.

Через мгновение я слышу глубокий голос Гаррета Грэхема.

– Чистые простыни в бельевом шкафу, а еще тебе лучше взять свою подушку. Уэллси считает, что мои очень мягкие.

– Они *правда* слишком мягкие, – возражает Ханна. – Как будто спишь на намокшем зефире.

– Нет, на них спишь как на мягком облаке, – поправляет ее Гаррет. – Поверь мне, Элли, у меня классные подушки. Но на всякий случай возьми свою.

Я смеюсь.

¹ Питер Гэбриэл (*англ.* Peter Gabriel) – британский музыкант, бывший участник группы Genesis, впоследствии занявшийся сольной карьерой. Его песня In Your Eyes – один из саундтреков к фильму «Скажи что-нибудь».

– Спасибо за информацию. А ты уверен, что я никому не помешаю? Мне не хочется навязываться.

– Все нормально, милашка. Просто посмотри своими большими голубыми глазами на Така, похлопай ресницами, и он приготовит тебе классный ужин. О, и Логан приказал Дину держаться от тебя подальше, так что не беспокойся, он не станет приставать к тебе.

А, точно. Дин Хейворд Ди Лаурентис – самый отъявленный бабник в мире. Каждый раз при нашей встрече он пытается залезть мне в трусы. Но я никогда не воспринимала его всерьез – он ведет себя так со *всеми* девушками.

Так что он меня не беспокоит. Я знаю, как урезонить Дина, к тому же Такер может послужить отличным буфером между мной и его озабоченным соседом.

– Спасибо тебе огромное, – говорю я Гаррету. – Seriously, теперь я твоя должница.

– Да брось!

В разговор вновь вступает Ханна.

– Напиши мне, когда приедешь, ладно? А потом выключи телефон, чтобы Шон тебя не доставал.

Я уже говорила, как люблю свою лучшую подругу?

Когда я кладу трубку, то чувствую себя уже намного лучше. Наверное, даже к лучшему, что я уеду из общежития на все выходные. Можно считать это маленькими каникулами: за эти дни я смогу прийти в себя и собраться с силами. А если рядом будут Такер и Дин, меня не будет подмывать позвонить Шону. В этот раз нам действительно нельзя видаться. Никаких контактов хотя бы в течение нескольких недель. Или месяцев. Или лет.

Если честно, я не знаю, смогу ли пережить наше расставание. Я любила этого парня несколько лет. И Шон бывал очень милым. Как, например, в тот раз, когда я заболела и он принес мне суп. Или когда он...

Стоп, хватит!

В голове раздается вой сирен, предупреждающий не делать глупостей. Нет, нельзя идти на попятную. Пусть он может быть милым – но может быть и полной противоположностью, и прошлая ночь это доказала.

Расправив плечи, я ускоряю шаг и решаю ни за что не отклоняться от своего плана. Между мной и Шоном все кончено. Я не буду видаться с ним, писать ему и делать что-то, чтобы наши пути пересеклись.

Объявляю официальное начало Первого дня без Шона.

* * *

Дин

Вечер пятницы, и я развалился на диване в нашей гостиной, попивая пиво, а передо мной целуются две блондинки – очень горячие и совсем голые. Не жизнь, а сказка!

– Лучший вечер в моей жизни, – протяжно произношу я. Мой взгляд следит за руками Келли, которые скользят к торчащим сиськам Мишель. Келли сжимает их, и я издаю стон. – Но он станет еще лучше, если вы, дамы, переберетесь сюда, ко мне.

Девушки, тяжело дыша, отстраняются и смеются, глядя на меня.

– Дай нам повод, – дразнится Келли.

Я выгибаю бровь, обхватываю свой эрегированный член ладонью и медленно провожу рукой вдоль него.

– Такой повод подойдет?

Мишель встает первая, ее груди подсакаивают, пока она идет ко мне, виляя попой, а потом она усаживается верхом на мои колени и впивается в меня своим ртом. Через секунду рядом со мной пристраивается Келли, ее теплые мягкие губы присасываются к моей шее. Госпо-ди. Мой член напряжен до боли, но эти две богини твердо намерены заставить меня умолять. Они мучают меня своими поцелуями, долгими и нежными. Нарочитые прикосновения их влажных, озорных язычков и нежные укусы сводят меня с ума.

Хотел бы я сказать, что наше маленькое грязное трио – это для меня что-то новенькое, а прозвище «бабник», которым окрестили меня мои товарищи по команде, – всего лишь преувеличение. Но это не так, а прозвище себя оправдывает. Мне нравится секс. Я много трахаюсь. И плевать я хотел на то, что говорят и думают остальные.

Пальцы Келли сжимаются вокруг моего члена, и это вызывает у меня горловой стон.

– Боже, что я сделал, что мне так повезло?

– Тебе пока еще не повезло, – перебросив свои длинные волосы через плечо, говорит Мишель. – Ты не кончишь до тех пор, пока не кончим мы, не забыл?

Она права: я дал обещание – и намерен сдержать его. Что бы там ни думали обо мне мои друзья-придурки, для меня во время секса на первом месте всегда удовольствие женщины. Или *женщин* в данном случае. Двух прекрасных, ненасытных женщин, которые хотят не только меня, но и друг друга.

Привет, рай! Это Дин Ди Лаурентис. Спасибо, что разрешили мне зайти в гости.

– Ну что ж, тогда, наверное, мне пора начинать, – объявляю я и, опустив Мишель на подушки, опускаю рот к ее грудям.

Захватив губами сосок, я начинаю жадно сосать его, и она стонет, поднимая бедра вверх. Краем глаза я замечаю рядом какое-то движение. Это Келли опускается рядом со мной и начинает лизать второй сосок Мишель. О господи. Мой хриплый стон мог бы разбудить мертвых.

Келли бросает на меня взгляд и улыбается.

– Подумала, что немного помощи тебе не помешает. – И тут она начинает покрывать поцелуями тело Мишель, двигаясь от плоского живота подруги к тому месту, где соединяются бедра.

Забудьте про рай. Это нирвана.

Я перенимаю эстафету у Келли, мои губы двигаются по загорелой коже и лакомым изгибам к тому местечку, от вида которого у меня бегут слюнки. Келли уже лижет его. Святые угольники! Не знаю, хватит ли у меня сил контролировать себя до тех пор, пока они обе не кончат. Я уже так близок к опасному краю.

Стараясь не обращать внимания на пульсацию внизу живота, я облизываю нижнюю губу, опускаю рот к киске Мишель и... И тут раздается трель чертового дверного звонка.

Проклятье! Я выгибаю шею, чтобы посмотреть на электронные часы на blu-ray-проигрывателе нашего музыкального центра. Половина девятого. Я пытаюсь вспомнить, кто из парней может заявиться ко мне, но сегодня я разговаривал только со своими соседями по дому, и сейчас никого из них нет. Гаррет и Логан уехали в Бостон со своими девушками, а Такер повел в кино какую-то барышню.

– Заприте, я сейчас. – Я дразнящим движением провожу языком по бедру Мишель, затем поднимаюсь с дивана и ищу свои трусы.

Когда мой член надежно спрятан, я отправляюсь в коридор, чтобы открыть дверь. Увидев, кто стоит на крыльце, я прищуриваюсь.

– Ты опоздала, куколка, – говорю я лучшей подруге Ханны. – Твоя подружка уже уехала. Приходи в воскресенье.

Я наклоняюсь, чтобы закрыть дверь. Да, я еще тот невоспитанный сукин сын.

Но стоящая передо мной блондинка успевает просунуть ногу в черном непромокаемом ботинке между дверью и дверным косяком.

– Не будь таким засранцем, Дин. Ты же знаешь, что я поживу у вас в выходные.
Мои брови взмывают вверх.

– Э-э-э, что? – Я внимательно осматриваю ее и теперь замечаю, что на плече у нее висит битком набитый рюкзак, а у ног стоит розовый чемоданчик.

Элли Хейз тяжело вздыхает.

– Logan должен был написать тебе. А теперьпусти меня. Я замерзла.

Я склоняю голову набок. А потом, далеко не нежно, пинаю ее ногу.

– Жди здесь. Сейчас вернусь.

– Ты *издеваешься*?

Но дверь закрывается прямо посреди ее возмущенного восклицания.

Борясь с раздражением, я возвращаюсь в гостиную. Мишель и Келли, похоже, даже не заметили, что я уходил: они настолько заняты тем, что страстно целуются. Проходит почти минута, прежде чем мне удастся отыскать свой телефон, и когда я наконец поднимаю его с пола, то обнаруживаю, что подруга Ханна говорила правду.

На экране высвечивается, что у меня пять непрочитанных сообщений – но так бывает, когда ты находишься в компании двух горячих девушек. Секс втроем важнее, чем телефон. Это и ежу понятно.

Logan: Здорово, бро. Подруга Уэллси, Элли, на этот уик-энд переедет к нам.

Logan: Держи свой член в штанах. Мы с Джи не хотим бить тебе морду, если ты что-нибудь выкинешь. Но зато Уэллси будет скоро на расправу. Так что: член = штаны = не беспокой нашу гостью.

Ханна: Элли погостит у вас до воскресенья. Сейчас она очень незащищенна и уязвима. Так что не думай воспользоваться этим, иначе очень меня огорчишь. А ты ведь не хочешь меня огорчать, правда?

Я фыркаю. Ханна – сама тактичность, как всегда. Я быстро просматриваю два оставшихся сообщения.

Гаррет: Элли будет жить в моей комнате.

Гаррет: Твой член остается в твоей комнате.

Боже, и почему все так озабочены моим членом?

И почему все это происходит прямо сейчас? Я с сожалением перевожу взгляд на диван. Пальцы Келли сейчас именно там, где хочется оказаться мне.

Я прочищаю горло, и обе девушки поворачиваются ко мне. Взгляд Мишель слегка затуманился от избытка внимания, которое оказывает ей ее подруга.

– Ненавижу так поступать, но вам, дамы, пора по домам, – объявляю я им.

Две пары глаз изумленно таращатся на меня.

– То есть? – вырывается у Келли.

– За дверью стоит неожиданный гость, – с досадой объясняю я. – А значит, этот дом только что стал местом категории «12+».

Мишель усмехается.

– С каких пор тебя стало заботить, что кто-то увидит, как ты трахаешься?

И то верно. Обычно мне плевать, есть кто-то рядом или нет. В большинстве случаев я даже предпочитаю первый вариант. Но я не могу выставлять свое распутство напоказ подруге Ханне. Как и самой Ханне. И Грейс. Парням все равно. Они знают, что к чему. Но Гаррету и Логану совсем не понравится, если их девушки окажутся под моим тлетворным влиянием. Ступив на путь серьезных отношений, мои бывшие соратники превратились в монахов. И это печально, должен сказать.

– Эта гостья – большая неженка, – сухо отвечаю я. – И она, наверное, упадет в обморок, увидев нас втроем.

– Не упаду, – звучит со стороны двери раздраженный голос Элли.

Я раздражен не меньше нее. Эта барышня только что вошла в дом, как будто живет здесь. Ага, разбежалась.

Я сердито смотрю на нее.

– Я сказал тебе подождать снаружи.

– А я сказала тебе, что замерзла. – Она за словом в карман не полезет. И, похоже, ее совсем не волнует тот факт, что в этой комнате еще две абсолютно голых девушки.

Мои гости разглядывают Элли так, словно она какое-то пятнышко под микроскопом. Потом они морщат носики и отворачиваются, словно она, хм, и есть пятнышко под микроскопом. Обычно девчонки начинают тягаться друг с другом, когда я рядом, но, видимо, Мишель и Келли не видят в Элли конкурентку.

И я бы не стал их винить. На Элли черная дутая куртка, ботинки и митенки, светлые волосы выбиваются из-под красной вязаной шапочки. Стоит первая неделя ноября, еще даже не выпал снег, лишь легкий морозец – нет повода так укутываться. По крайней мере, если у тебя в порядке с головой. Но я начинаю подозревать, что у Элли с ней проблемы, потому что она дерзкой походкой входит в гостиную и плюхается в стоящее напротив дивана кресло.

Расстегивая куртку, Элли смотрит на моих гостей, а затем поворачивается ко мне.

– Можешь перенести свою маленькую вечеринку наверх. А я останусь тут, посмотрю кино.

– Или ты можешь подняться наверх, в комнату Гаррета, и посмотреть кино там, – язвительно отвечаю я. Но если честно, это уже не имеет никакого значения. Она уже убила все настроение, и мне вряд ли будет комфортно предаваться сексуальным утехам с двумя цыпочками, когда в доме еще и лучшая подруга Ханна.

Вздохнув, я поворачиваюсь к девушкам.

– Ну что, в другой раз?

Ни одна не возражает. Видимо, мисс Элли не только *убила* настроение, но и выжгла всю гребаную землю, а потом посыпала ее солью, чтобы изгнать похоть раз и навсегда.

Элли даже не замечает, как девчонки начинают одеваться. Она так занята тем, что снимает с себя многочисленные слои теплой одежды и навешивает их на подлокотник кресла. Без них, в черных легинсах и свободном полосатом топе она выглядит миниатюрнее. Затем Элли уютно устраивается в огромном мягком кресле.

Я провожаю Келли и Мишель к двери, где каждая из них страстно целует меня, и обе говорят, что будут ждать следующего раза, который я им задолжал. Они уходят, а мои губы распухли и член снова в полной готовности.

Я возвращаюсь в гостиную с хмурым выражением лица.

– Тебе понравилось? – спрашиваю я.

– Что понравилось?

– Обломать мне весь кайф.

Элли смеется.

– А почему ты не позвал Блонди и Блонди-Два наверх? Тебе необязательно было выставить их только потому, что я здесь.

– Ты правда думаешь, что я мог бы трахаться, зная, что ты сидишь здесь, внизу?

В ответ раздается еще один смешок.

– Ты трахаешься *при всех*. Постоянно. Так какая разница, что я где-то в доме? – Она на мгновение задумывается. – Если только дело не в твоей комнате. Ханна говорила, что ты всегда делаешь это в гостиной. Почему? В твоей кровати клопы?

Я стискиваю зубы.

– Нет.

– Тогда почему ты не хочешь заниматься сексом у себя?

– Потому что... – я не договариваю фразу, а на моем лице снова появляется хмурое выражение. – Кстати, а почему ты здесь? В Бристоль-Хаусе случился пожар?

– Я прячусь. – Она говорит это так, как будто я должен что-то понимать. Потом оглядывает гостиную. – А где Такер? Гаррет сказал, что он будет дома.

– Уехал.

Элли выпячивает нижнюю губу.

– М-да, отстой. Он бы точно захотел посмотреть со мной кино. Но, думаю, придется тебе.

– Из-за тебя я остался без секса, а ты хочешь, чтобы мы вместе посмотрели кино?

– Поверь, ты последний человек, с которым мне бы хотелось провести время, но сейчас я переживаю кризис и, кроме тебя, здесь больше никого нет. Тебе *придется* составить мне компанию, Дин. Иначе я сделаю какую-нибудь глупость, и вся моя жизнь будет разрушена.

Теперь я начинаю припоминать, как Ханна говорила мне, что Элли учился на театральном. Ну да, все верно.

– Пожалуйста!

Она продолжает умоляюще смотреть на меня. А я никогда не мог устоять против огромных голубых глаз, особенно если они принадлежат милым блондинкам с внушительным бюстом.

– Ты победила, – сдаюсь я. – Я составлю тебе компанию.

Лицо Элли озаряется.

– Какое кино будем смотреть?

В горле комом застревает стон. Мой пятничный вечер так хорошо начинался, но теперь вместо секса втроем мне придется нянчиться с лучшей подружкой девушки моего лучшего друга.

О, и у меня до сих пор стоит, спасибо прощальным поцелуям Келли и Мишель.

Просто здорово, мать твою.

2

Элли

Мое самообладание зависит от Дина Хейворда Ди Лаурентиса, человека, который не имеет *ни капли* самообладания. А это означает, что я попала. По уши в дерьме.

Но я не буду. Не буду звонить Шону. И пусть двадцать минут назад он прислал мне наше фото, сделанное во время прошлогодней поездки в Мексику. С помощью специального приложения Шон добавил большое красное сердце вокруг наших лиц.

Да, это было отличное путешествие...

Я отбрасываю воспоминания и беру с кофейного столика пульт управления.

– У вас подключен *Netflix*²? – Я оглядываюсь на Дина, который по-прежнему не рад моему присутствию.

И либо у меня разыгралось воображение, либо у него эрекция. Но у меня есть чувство такта: я не буду дразнить его по этому поводу – ведь до того, как я заявила сюда, он почти занялся сексом с двумя девчонками.

Мой взгляд опускается на его голую грудь. Не буду лгать: она у него просто потрясающая. У парня *рельефное* тело. Он высокий, стройный, с фактурными мускулами. И ему идет щетина: светлая поросль волос сексуально оттеняет его идеально вылепленную челюсть. Очень жаль. Таким мерзавцам нельзя быть настолько красивыми.

– Ага. Ты пока выбери что-нибудь, – отвечает он, – а я поднимусь наверх, вздрочну и вернусь к тебе.

– Ладно, по-моему, у меня как раз настроение, чтобы посмотреть... Погоди, что ты сказал?

Но его уже и след простыл, а я с открытым ртом таращусь на пустой дверной проем. Он поднимется наверх, чтобы *что*? Нет, он же пошутил, правда?

Но в голове помимо воли вспыхивают картинки. Дин в своей комнате. Одна рука обхватила член, вторая... обхватила яички? Сжимает простыни? Или, может, он стоит и держится рукой за стол, закусив нижнюю губу, его лицо напряжено...

Но *почему* я пытаюсь разгадать тайну того, как мастурбирует этот парень?

Отбросив все мысли об этом, я нажимаю кнопку на пульте, нахожу *Netflix* и загружаю недавно вышедшие фильмы.

Через пять минут, если не меньше, в комнату вальяжной походкой возвращается Дин. К счастью, он надел штаны. Хотя в процессе куда-то подевались его трусы – этот факт не ускользает от моего внимания, потому что его спортивные штаны висят на бедрах так низко, что я почти могу видеть его... короче говоря, те его части, которые мне видеть не хочется.

Но он по-прежнему с голой грудью, а на щеках играет легкий румянец.

– Ты серьезно только что подрочил? – спрашиваю я.

Он кивает так, будто это самое обычное в мире занятие.

– А ты думала, я буду сидеть с синими яйцами и спокойно смотреть кино?

Я изумленно таращусь на него.

– Значит, пока я в доме, трахаться ты не можешь, а вот подняться наверх и сделать *это* – вполне себе?

Он улыбается хищной улыбкой.

² Американская развлекательная компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потоковых мультимедиа. С 2016 года сервис доступен и в России.

– Я мог бы сделать это и здесь, но тогда бы ты не смогла устоять и помогла мне. Я просто старался быть вежливым.

Трудно удержаться и не закатить глаза. Собственно, я и не сопротивляюсь этому порыву.

– Поверь, я бы смогла удержать себя в руках.

– Когда мой член был бы здесь, прямо у тебя на глазах? Ни за что. Ты бы не смогла устоять. – Он выгибает бровь. – У меня отличный член.

– Ага, конечно.

– Ты мне не веришь? Я могу показать тебе фотку. – Он тянется к телефону, лежащему на кофейном столике. Но, передумав, хватается за пояс спортивных штанов. – Хотя зачем? Я могу показать его живьем, если хочешь.

– Не хочу. Ни капельки. – Я показываю на телевизор. – Я уже выбрала, вот этот. Смотрел? Дин, скорчив гримасу, смотрит на постер фильма на экране.

– Господи, и ты выбрала *это*? Мы могли бы посмотреть как минимум три новых ужастика. Или всю фильмографию Джейсона Стэйтема.

– Никаких ужастиков, – решительно заявляю я. – Мне не нравится, когда страшно.

– Ладно, тогда давай посмотрим какой-нибудь боевик.

– Насилие мне тоже не нравится.

От досады Дин втягивает щеки.

– Куколка, я не собираюсь смотреть кино про... – он, прищурившись, читает описание с экрана, – «женщину, которая пустилась в судьбоносное путешествие после того, как ей диагностировали неизлечимую болезнь». Да ну на хрен!

– Он должен быть классным, – возражаю я. – Этот фильм выиграл «Оскар»!

– А ты знаешь, какие еще фильмы выиграла «Оскар»? «Молчание ягнят», «Челюсти», «Изгоняющий дьявола». – В голосе Дина слышится надменность. – И все это – фильмы ужасов.

– Мы можем спорить об этом всю ночь напролет, но я не собираюсь смотреть ничего из того, где есть кровь, акулы или взрывы. Смирись уже с этим.

Дин сжимает зубы, а потом тяжело вздыхает.

– Ладно. Если пытки этим дерьмовым фильмом мне не избежать, тогда, пожалуй, сперва выкурю косячок.

– Как хочешь, сладкий.

Он направляется к двери, бубня себе под нос.

– погоди, – окликаю я его и быстрым движением достаю из кармана куртки свой мобильник. – Возьми его с собой, а? Если останусь с ним наедине, то боюсь не справиться с искушением и отправить несколько сообщений.

Дин странно смотрит на меня.

– И кому ты так старательно избегаешь писать?

– Моему бывшему. Прошлым вечером мы расстались, но он не прекращает закидывать меня сообщениями.

Проходит пара секунд, и тут он говорит:

– А знаешь что? Ты идешь со мной.

Я не успеваю и глазом моргнуть, как Дин пересекает комнату и вытаскивает меня из кресла. Но стоит моим ногам ступить на паркетный пол, как я теряю равновесие и падаю прямо на его огромную грудь, утыкаясь носом в выпирающую мышцу.

Тут же выпрямившись, я сердито смотрю на Дина.

– Вообще-то, мне было там очень удобно, засранец.

Он же, не обращая внимания на мои слова, то ли ведет, то ли тянет меня за собой на кухню. Я не успела прихватить с собой куртку и поэтому сразу же начинаю дрожать, как только мы выходим на улицу через заднюю дверь.

Голая грудь Дина переливается в свете фонарей на патио. Похоже, ему совсем не холодно, хотя его соски затвердели от морозного ночного воздуха.

– Уф, у тебя даже соски идеальные, – с досадой замечаю я.

Губы Дина дергаются.

– Хочешь их потрогать?

– Фу, ни за что. Я просто сказала, что они, черт бы их побрал, идеальные. В смысле в идеальной пропорции с твоей грудью.

Он опускает глаза на свои грудные мышцы и на мгновение задумывается.

– И правда. Я *идеальный*. Нужно чаще напоминать себе об этом.

Я фыркаю.

– Ага, а то ты недостаточно самовлюбленный.

– Я самоуверенный, – поправляет меня Дин.

– Самовлюбленный.

– *Самоуверенный*. – Он открывает небольшую жестяную коробочку, которую захватил в кухне, и достает оттуда аккуратно скрученный косяк и зажигалку. Я наблюдаю за ним с мрачным видом.

– Зачем ты вытащил меня сюда? – сердито спрашиваю я. – Я не хочу курить травку.

– Еще как хочешь. – Дин поджигает косяк и, сделав глубокую затяжку, продолжает говорить сквозь облако дыма. – Ты вся такая дерганая и странная. Поверь мне, тебе это нужно.

– Это просто давление обстоятельств, понимаешь ли.

Дин, выгнув бровь, протягивает мне косяк.

– Давай же, детка, – уговаривает меня он, растягивая слова. – Одна затяжка. Все крутые ребята так делают.

Я смеюсь.

– Отвали.

– Ну как хочешь. – Он снова выдыхает, и меня окутывает сладкий запах.

Я даже не помню, когда последний раз курила травку. Если честно, я вовсе не фанат этого занятия, но сегодня мне не помешает отвлечься.

– Ой, ну ладно. Давай сюда. – Я протягиваю руку, пока не передумала.

Дин, сияя улыбкой, отдает мне косяк.

– Вот и умничка. Но не говори Уэллси. Она надерет мне задницу, если узнает, что я развращаю ее лучшую подругу.

Я обхватываю губами сигарету и втягиваю дым в легкие, стараясь не рассмеяться над искренним выражением страха, проступившим на лице Дина. Вообще-то, он прав насчет Ханны. Девчонка остра на язык и ничуть не стесняется этого. За что я и люблю ее.

Следующие несколько минут мы проводим в тишине, передавая друг другу косяк, словно парочка хулиганов, слоняющихся у заправки. Впервые мы оказались наедине, и это так странно: тусоваться на заднем дворе с полуголым Дином Ди Лаурентисом. Если говорить начистоту, я никогда не задумывалась, что собой представляет этот парень. Он самоуверенный, любитель пофлиртовать...

Поверхностный.

Мне становится стыдно за эту мысль, но не стану отрицать: это слово первым приходит на ум, когда я вижу Дина. Ханна говорила мне, что он баснословно богат, и это сразу заметно. Не в том смысле, что он ведет себя пафосно, типа «смотрите, как я купаюсь в своих денежках», нет. Он просто расхаживает с таким видом, словно весь мир – это его устрица. И у меня такое чувство, что он ни разу в жизни не испытывал никаких трудностей. Взглянув на него, вы сразу понимаете, что этот парень получает все, что захочет и когда захочет.

Хм, похоже, марихуана настраивает меня на философский лад и критические рассуждения.

– Значит, тебя бросили? – наконец спрашивает Дин, наблюдая, как я делаю очередную затяжку.

Я выдуваю дым прямо ему в лицо.

– Меня никто не бросал. Это я рассталась с ним.

– С тем парнем, с которым вы встречаетесь... сколько? Целую вечность? Тот парень из братства, да? Стэн?

– Шон. Да, мы то встречаемся, то расстаемся с первого курса.

– Боже мой. Достаточно долго, чтобы трахаться с одним и тем же человеком. И что, секс правда был скучным?

– Почему ты все время говоришь только о сексе? – Я возвращаю ему косяк. – И чтобы ты знал – секс был хорошим.

– Хорошим? – Дин фыркает. – Очень сильная похвала.

Я уже начинаю чувствовать эффект от выкуренной травки и продолжаю расслабленно болтать. В нормальном состоянии я вряд ли бы отважилась довериться этому парню.

– Ладно, под конец он был не самым лучшим, – признаюсь я. – Но это, наверное, лишь потому, что начиная с лета мы то и дело ссорились.

– Это же не первый ваш разрыв, верно? Почему ты все время к нему возвращаешься?

– Потому что я люблю его, – и тут же исправляюсь, – *любила*.

Боже, я и сама не знаю.

– Наши первые расставания случались не потому, что кто-то сделал что-то не так. Мне казалось, наши отношения развивались настолько стремительно и становились достаточно серьезными. Шел первый год учебы в университете, и мы хотели отрываться по полной и все такое.

– Отрываться по полной – это весело, – серьезным тоном соглашается Дин. – Помню одну горячую телочку, которая облила мой член кленовым сиропом, а потом вылизала его.

– Фу! – Я закатываю глаза. – Но если честно, мне не очень понравилось уходить в отрыв. Я сходила на свидания с парочкой парней, но все они оказались порядочными засранцами. Но зато осознала, насколько хорошо мне было с Шоном.

Дин выдувает очередное облачко дыма.

– Понятно. А потом вы снова расстались?

– Ага. – Воспоминания об этом вызывают волну обиды и гнева. – В тот раз уже из-за того, что он начал меня контролировать, как псих какой-то. Один из членов его братства подкатил ко мне на вечеринке, и Шон решил, что никому не позволено даже смотреть в мою сторону. Он начал диктовать мне, как одеваться, все время писал, чтобы узнать, где я и с кем. Это было невыносимо.

Теперь наступает черед Дина закатывать глаза.

– Говорит девчонка, которая сошлась с ним снова.

– Он обещал, что станет другим. Так и случилось. Шон перестал быть назойливым и стал обходиться со мной еще *лучше* прежнего.

Мои слова, похоже, ничуть не убедили Дина, но мне плевать. Я не жалею о том, что тогда вернулась к Шоноу. После двух с половиной лет отношений я знала: нам было за что бороться.

– И тут мы подошли к расставанию номер четыре. – От любопытства Дин склоняет голову набок. – Что же произошло?

От этого вопроса мне становится неловко.

– Я уже говорила тебе. Мы часто ссорились.

– По какому поводу?

Слова вылетают сами по себе. Проклятье. Он что, добавил в травку сыворотку правды?

– В большей степени из-за окончания университета и того, что мы будем делать после. Я всегда хотела переехать в Лос-Анджелес и сосредоточиться на своей актерской карьере.

Или в Нью-Йорк... Но об этом я Дину не говорю. Еще ничего не решено, а Дин – последний человек, с кем мне бы хотелось обсуждать настолько важные и значимые шаги. Этот парень не глубже лужи.

– Когда мы только начали встречаться, Шон был не против, но этим летом он вдруг решил, что не хочет, чтобы я становилась актрисой. Вообще-то, он не хочет, чтобы я работала в принципе. – Я хмурюсь. – Вбил себе в голову, что будет работать в страховой компании своего отца в Вермонте, а я стану счастливой домохозяйкой, которая будет готовить ужины к его возвращению домой.

Дин пожимает плечами.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть домохозяйкой.

– Конечно, нет, но я не хочу быть домохозяйкой, – в отчаянии говорю я. – Я почти четыре года пахала как проклятая, чтобы получить актерскую степень. Мне хочется *использовать* ее. Я хочу быть актрисой и не могу быть с тем, кто не желает поддерживать меня. Он... – я умолкаю, закусив губу.

– Он что?

– Ничего, проехали. – Я выхватываю у Дина косяк и делаю большую затяжку, слишком глубокую, потому что тут же захожусь кашлем. На глазах даже наворачиваются слезы, и, сморгнув их, я вижу, как пара зеленых глаз внимательно наблюдает за мной.

– Что он сделал? – спрашивает Дин низким голосом. – Насколько сильной взбучки он заслужил? Мы с Гарретом надерем ему зад, но если хочешь, чтобы ему сломали парочку костей, спустим на него Логана.

– Никто не будет ломать ничьи кости, тупица. Шон не сделал ничего ужасного, и я не хочу, чтобы вы его били. Все, что от тебя требуется, – забрать мой чертов телефон. – Я пихаю ему в руку свой мобильник. – Держи его от меня подальше все выходные, ладно? Отдавай лишь в том случае, если будут звонить папа, Ханна, Стелла или Мег и... Нет, знаешь, как мы поступим? Я буду проверять телефон несколько раз в день, но под твоим присмотром. Тогда ты сможешь дать мне по рукам, если я попытаюсь написать Шону.

Дин выглядит заинтригованным.

– Значит, я... типа твой опекун, который будет следить за тем, чтобы ты не сорвалась?

– Ага. Мои поздравления, тебе наконец-то выпал шанс сделать хоть что-то стоящее, – с сарказмом отвечаю я.

Дин склоняет голову набок.

– А что я получу взамен?

– Удовлетворение от того, что ты хоть раз в жизни помог кому-то, кроме себя.

– Не-е. Как насчет минета? Я сделаю это за минет.

Я показываю ему средний палец.

– И не мечтай.

– Ну ладно, тогда рукой.

– Хватит быть таким засранцем, пожалуйста. Когда дело касается Шона, у меня пропадает всякая сила воли.

И тут же, словно по заказу, телефон в руке Дина начинает вибрировать. Моя рука сразу тянется выхватить его. Но Дин быстро отступает назад, а потом смотрит на экран.

– Это Шон. – Его рот растягивается в улыбке. – Он скучает по вкусу твоих губ.

Сердце сжимается от боли.

– Еще одно правило: тебе нельзя читать, о чем он пишет.

– Ты взваливаешь на меня слишком много ответственности, куколка. А я ее не люблю.

Прямо удивил.

– Ты справишься, *куколка*. Я верю в тебя.

Дин делает последнюю затяжку, тушит окурок в пепельнице, а затем идет к раздвижным дверям. Боже, он даже ходит с самоуверенным видом. И выглядит при этом привлекательно. Мой взгляд невольно останавливается на его подтянутой заднице, облепленной тканью штанов. Да-да, я пялюсь на его задницу. Но, блин, у него потрясная задница, а я все-таки *женщина* – как тут не пялиться?

– Знаешь, ты идешь не по тому пути. Лучший способ забыть о ком-то – это переспать с другим, и как можно быстрее.

Слова Дина заставляют меня оторвать глаза от его зада.

– Я еще не готова к этому.

– Еще как готова. Я серьезно, просто найди себе кого-нибудь, чтобы перепихнуться. – Дин раскидывает руки в стороны. – С радостью вызываюсь на эту роль.

Я издаю смешок.

– Мечтать не вредно.

Но в глубине своего сознания я начинаю размышлять о его предложении. Вообще-то, секс, чтобы забыть, – не такая уж плохая идея. Это как, когда упадешь с лошади, тебе сразу советуют снова взобраться на нее. Может, это мне и нужно – снова оказаться в седле? Что-что, а это будет неплохим способом отвлечься от боли в моем сердце.

Но с Дином я этого делать точно не буду. Лучше найти другое седло, в котором не ездила каждая девчонка из Брайара.

– Пока отложим это, – решает Дин.

– Если ты имеешь в виду, что мы отложим эту идиотскую идею и забудем о ней раз и навсегда, то я согласна.

Дин останавливается у двери, поворачивается ко мне лицом, и его зеленые глаза развратно и медленно осматривают меня с головы до ног.

– Вообще-то, чем больше я думаю об этом, тем больше мне нравится идея помочь тебе забыть обо всем. – Его взгляд задерживается на моей груди. – Мне *очень* нравится эта идея.

Я сдерживаю стон.

– Гаррет пообещал, что ты не будешь приставать ко мне.

– Джи знает, что лучше не давать обещаний по поводу меня, – с широкой улыбкой отвечает Дин, потом он манит меня рукой к себе. – Так мы идем смотреть кино или как?

Я вхожу в дом вслед за ним. Голова пока туго соображает, но в хорошем смысле, и когда Дин останавливается в коридоре, чтобы подтянуть штаны, которые чуть не свалились с него, я начинаю хихикать, словно это самое смешное, что мне доводилось видеть за всю мою жизнь.

Но веселье сразу же испаряется, как только мы устраиваемся на диване. Дин плюхается прямо рядом со мной, закидывает мускулистую руку мне на плечи и притягивает меня к себе.

Я сердито смотрю на него.

– Почему ты обнимаешь меня?

Дин продолжает сидеть с невинным видом.

– Так я обычно смотрю фильмы.

– Правда? То есть ты обнимаешь и Гаррета, когда смотришь кино вместе с ним?

– Именно так. А если он ведет себя хорошо, то моя рука даже может опуститься в его штаны. – Свободная рука Дина ложится на резинку моих леггинсов. – Если ты будешь ласковой, то обещаю быть еще ласковей.

– Ха. Ну уж нет.

Я отбрасываю его руку, уже успев почувствовать жар между ног. Его голая грудь – это что-то невероятное, она манит меня, словно умоляет прикоснуться пальцами ко всем этим рельефным мышцам. И пахнет от него здорово. Океаном. Нет, кокосами. Мысли сильно путаются, но мое сознание не настолько затуманено, чтобы не заметить сладкий трепет моей киски.

О, да что же это такое?! Должно быть, с сексуальной жизнью у меня и правда беда, раз я так реагирую на Дина Ди Лаурентиса.

– А что нам еще делать? – парирует он.

Я показываю пальцем на телевизор.

– Смотреть кино.

– Я бы лучше смотрел на тебя. – Дин поигрывает бровями. – Ну, знаешь, на то, как ты выкрикиваешь мое имя, когда я довожу тебя до оргазма.

В этот раз никакого трепета. Я начинаю неудержимо хохотать.

– Господи, ты опасна для мужского эго. – Он выглядит обиженным.

Я пытаюсь глотнуть воздуха между приливами смеха. Да, я под кайфом, абсолютно расслаблена, не собираюсь фильтровать то, что срывается у меня с языка, и могу насмеяться над Дином сколько душе угодно, а потом просто обвиню во всем травку.

– Прости, но иногда ты перегибаешь палку, – я никак не могу перестать смеяться. – И что, девушки действительно клюют на подобные фразочки?

Дин издает какой-то непонятный звук.

– Ладно, включай уже этот чертов фильм.

– С радостью. – Я жму кнопку на пульте и передвигаюсь в противоположный конец дивана, оставляя между нами расстояние в метр.

Стоит отдать должное Дину: почти минут тридцать он сидит молча. Его взгляд сосредоточен на экране, но краем глаза я улавливаю какие-то его постоянные движения. То он барабанит своими длинными пальцами по бедрам, то проводит рукой по волосам, то тяжело вздыхает, когда мы смотрим, как главная героиня готовит омлет.

Но когда она садится за стол и начинает его есть – в режиме *реального* времени – Дин взрывается, словно потухший вулкан.

– Что за отстойный фильм! – Он стонет. Громко. – Вот. Я это сказал. Чертов фильм – просто *отстой*.

– А я считаю, что он хороший. – Я вру. Фильм невероятно скучный. И даже косячок, который мы недавно раскурили, не сделал его ни капли интереснее, но мне не хочется признаваться в своем неудачном выборе. Нельзя позволять парням вроде Дина выигрывать. Никогда. Он будет вспоминать мне это всю жизнь.

– Ни за что не поверю, что он тебе нравится, – бросает мне вызов Дин.

– А вот и нравится, – продолжаю настаивать на своем я.

Он несколько секунд внимательно смотрит на меня, но мои актерские таланты помогают мне изображать самую невинность.

– Что ж, а мне вот не нравится. Это просто жесть какая-то!

Я предлагаю ему выход из положения.

– Тогда почему бы тебе не подняться вверх и не подрочить снова?

Черт. Не нужно было этого говорить. В зеленых глазах Дина тут же вспыхивает похотливый огонек.

Лениво улыбаясь, он наклоняется ко мне и, растягивая слова, спрашивает:

– А может, ты сделаешь это за меня?

Этот парень неисправим.

– Мы опять вернулись к этой теме? Ты *вообще* в состоянии принять отказ?

– Незнаком с этим словом. Мне еще никто никогда не отказывал. – Он придвигается еще ближе, опускает ладонь на подушку между нами и начинает медленно поглаживать ткань. – Ну давай же сделаем эту вечеринку интереснее. Мы дома одни... оба привлекательные...

Я фыркаю.

– Будет весело. Секс – это всегда весело.

– Я пас.

– Ладно, тогда как насчет орального секса?

Я притворяюсь, что обдумываю его предложение.

– Я делаю или ты?

– Я. А потом ты. Потому что обычно это делается именно так. – Он широко улыбается. –

Ну, круговорот жизни и все такое.

Я не могу удержаться от смеха. Можно говорить что угодно об этом парне, но с ним точно не соскучишься.

– Пас, – снова отвечаю я.

– А может, тогда просто пососемся? – с надеждой спрашивает он.

– Нет.

– Я очень хорошо целуюсь... – Дин делает паузу, словно уверен, что я клюну на это.

– Ха. Значит, это неправда. Когда парень заявляет, что он отлично целуется, на самом деле оказывается, что целуется он отстойно.

– Да? И у тебя есть эмпирическое доказательство этому?

– Конечно. – Конечно, нет. И Дин знает слово «эмпирический»? Ничего себе! Может, все-таки в его голове не только один воздух.

У него такой вид, словно он хочет поспорить со мной, но тут его телефон взрывается оглушительной музыкой. Я морщусь, когда узнаю мелодию.

Ох уж эти мужчины. Они не могут потратить секунду и опустить за собой сиденье унитаза, зато у них всегда найдется время на то, чтобы поставить на рингтон музыкальную заставку спортивно-развлекательного канала.

Лицо Дина озаряется в ту же секунду, как только он видит на экране лицо звонящего. Он отвечает без промедления.

– Максвелл! Как жизнь? – Дин слушает, а потом смотрит на меня полным надежды взглядом. – Хочешь пойти на вечеринку?

Я мотаю головой.

Человеку на том конце трубки приходится выслушать невероятно трагический вздох Дина.

– Прости, мужик, не могу. Я в няньках...

Я шлепаю его по руке.

– ...и она не хочет никуда идти, – пронзая меня взглядом, заканчивает фразу Дин. Потом снова пауза. – Нет, она очень даже взрослая.

Что?

– Я в няньках у совершеннолетней, чувак. Подруга девушки Джи. – Дин говорит так, словно меня нет в комнате. – Мы смотрим тот фильм про женщину, у которой обнаружили рак, и это отстой... в том смысле, что рак сам по себе – это отстой. Я хочу сказать, что с большой симпатией отношусь к людям, которые больны им, но этот фильм просто ужасен. Да... нет, игра во вторник... точно... да, обязательно. Мы сможем встретиться в «Малоун». До скорого, бро.

Он вешает трубку и с сердитым видом поворачивается ко мне.

– Сейчас я мог бы отрываться на вечеринке.

– Никто не заставляет тебя сидеть здесь со мной, – напоминаю я ему.

– Я стараюсь быть милым с тобой, ведь твое бедное сердечко разбито и все такое. И где твоя благодарность? Нет ее. Ты даже не хочешь целоваться со мной.

Я наклоняюсь и похлопываю его по плечу.

– Ох, милый, уверена, что любая девушка из твоего списка контактов будет счастлива прийти сюда и засунуть свой язык в твой рот. Но у меня, в отличие от них, есть свои стандарты.

– Что ты хочешь сказать? Что я недостаточно хорош для тебя? – Дин поднимает бровь. – К твоему сведению, твоей подруге Уэллси понравилось целоваться со мной.

Я фыркаю.

– О, ты имеешь в виду тот раз, когда она едва коснулась тебя губами, чтобы Гаррет не узнал, насколько сильно ей нравится целоваться с *ним*? Да я все знаю о нем, дорогуша. То был поцелуй от безысходности. – Но у меня до сих пор не укладывается в голове, что Ханна на самом деле поцеловала этого парня. Дин ну *абсолютно* не ее тип.

Однако я никогда не думала, что и суперзвезда хоккея Гаррет Грэхем окажется ее типом, – и посмотрите на них сейчас: две половинки целого.

– Она не целовала меня от безысходности, – возражает Дин.

– Уф, убеждай себя!

Он переводит взгляд на экран. Главная героиня снова готовит еду. На этот раз ужин, но крупных планов того, как она чистит картошку, очень много. И вообще для такого фильма она очень много ест.

– Господи, просто уже убейте меня. – Дин откидывается на спинку дивана и проводит обеими руками по волосам так, что потом они торчат во все стороны. – Я больше не смогу выдержать и секунды этого.

Я – тоже, но это была моя идея, и мне придется не ударить лицом в грязь.

– Знаешь что? – вдруг говорит Дин. – Забудь про травку. Есть только одна вещь, которая поможет нам досидеть до конца этого фильма.

– Да? И что же это?

Перед тем как ответить, Дин вскакивает с дивана и исчезает на кухне, а мне остается лишь с настороженностью вслушиваться в звуки открываемых и закрываемых шкафчиков, позвякивания стекла. И вот он возвращается с бутылкой в одной руке и двумя стопками в другой.

Сверкнув улыбкой, Дин объявляет:

– Текила.

3

Элли

Кто-то стучит молотком по моей голове. Наподобие тех комических здоровых колотушек, которыми дубасят друг друга герои мультфильмов. Это ужасно. И очень громко.

О боже, у меня дичайшее похмелье.

Даже едва слышного стога, вырвавшегося из меня, достаточно, чтобы виски пронзила мучительная боль. Каждое движение вызывает прилив тошноты, от которого сжимается горло, а на глазах наворачиваются слезы. Я стараюсь дышать. Вдох. Выдох. Мне просто нужно сдерживать рвотные позывы до тех пор, пока не доберусь до ванной, чтобы не заблевать чистые простыни Гаррета Грэхема...

Но это не кровать Гаррета Грэхема.

Осознание этого приходит в ту же секунду, как только я замечаю звуки дыхания. Но не прерывистые из-за похмелья после выпитой текилы, как у меня, а тихие и ровные, принадлежащие лежащему рядом со мной парню.

В этот раз мой стон был рожден в самых глубинах моей души.

Воспоминания обрушиваются на меня в живых и ярких красках, словно какое-то жуткое кино. Стопки с текилой и... остальное.

Я переспала с Дином.

Дважды.

Я смотрю в потолок, а сердце бьется все быстрее и быстрее. Я в комнате Дина. На прикроватной тумбочке лежит пустая пачка от презерватива. И... м-да, я голая.

«Может, это просто дурной сон», – пытается разубедить меня голос в голове.

Я делаю еще один глубокий вдох, чтобы набраться храбрости и повернуть голову. Но от того, что я вижу, дыхание перехватывает вновь.

Абсолютно голый Дин растянулся на животе. Мой взгляд притягивает его голый зад, но не своим совершенством, а красными царапинами на тугих ягодицах.

Они от моих ногтей. Я поднимаю ослабевшую руку – ноготь на указательном пальце сломан. Я сломала ноготь, хватая задницу Дина. Наверное, это случилось внизу – помню, что в первый раз сверху был он. Лиловый засос на его левом плече – следствие того, что случилось уже здесь, во время раунда номер два, когда сверху была я.

«Хочу увидеть эту твою таинственную спальню и первой оставить там свой след».

Мои собственные слова жужжат в и без того запутанном сознании. Как выяснилось, я не первая девушка, которую он привел в эту комнату. Он сам мне об этом сказал. И не только это. Да-да, теперь я владею ценной информацией, которую Ханна пыталась выведать на протяжении года: почему Дин предпочитает трахаться везде, кроме своей спальни.

К сожалению, мои познания этим не ограничились. Теперь мне известно, как выглядит голый Дин, каково это, когда он трахает тебя, и какие звуки он издает, когда кончает.

Я знаю чересчур много.

Боль в голове начинает пульсировать с новой силой.

Блин.

Мать твою, черт-черт-черт!

Проклятье, что я наделала? У меня никогда не было случайного секса. Да и весь мой сексуальный опыт насчитывает всего-то троих парней: двоих в старшей школе, одного в колледже – и со всеми тремя у меня были длительные серьезные отношения.

Мой взгляд снова возвращается к длинному мускулистому телу Дина. Как так получилось, что я позволила этому произойти? Я умею пить и вчера не напивалась в стельку. Я говорила внятно, не спотыкалась и не вела себя как идиотка. Я полностью осознавала, что творю, когда сделала первый шаг и поцеловала Дина.

Я сделала первый шаг.

Что на меня нашло?

Ладно-ладно. Это же не конец света. Я массирую свои ноющие от боли виски подушечками пальцев и заставляю себя не обращать внимания на спящего рядом со мной мужчину. Все нормально. Это был просто секс на одну ночь. Никто не умер. Возможно, я буду очень сожалеть о случившемся, но сожаления – для нытиков, как любит говорить мой папа. Учти свои ошибки и двигайся дальше.

Именно это мне и нужно: двигаться дальше. А еще лучше – *двигать* отсюда. Тихонько вылезти из кровати, принять продолжительный душ и притвориться, что прошлой ночи не было.

Вооружившись планом действий, я осторожно выскользываю из-под простыни, абы как закрутившейся вокруг нижней части моего тела. Матрас скрипит, и я бросаю на Дина полный паники взгляд.

Но он по-прежнему спит как убитый.

Хорошо. Я делаю вдох и свешиваю ноги с кровати. Стоит им коснуться пола, как Дин делает какое-то движение. Он издает не то стон, не то вздох, а потом перекачивается на спину и... *О господи*, теперь я вижу его член.

Я, краснея, тарашусь на его хозяйство. Даже неэрегированный, он впечатляет. Дин был прав: у него великолепный член.

И если память меня не подводит, по-моему, прошлой ночью я не раз восхваляла его.

Мое лицо горит все сильнее, потому что я вспоминаю все, что говорила ему и что делала с ним.

В горле застревают стон. Так, хватит предаваться воспоминаниям. Мне нужно убираться ко всем чертям из этой спальни. Но сначала необходимо найти свой телефон.

Я оглядываю комнату и замечаю спортивные штаны Дина. Он снова натянул их после наших любовных игр на диване, так что я уверена, что мой мобильник в его кармане.

Моей же одежды нигде нет – последний раз, когда я видела ее, она кучкой валялась на полу в гостиной. И это лишь усиливает мою панику, потому что, должно быть, Такер тоже ее видел, когда вернулся домой. Черт. Наверное, он еще и слышал нас, потому что я даже не пыталась сдерживаться, когда язык Дина был между моих...

Нет, даже не думай об этом.

Я роюсь в карманах Дина в поисках телефона. Ура! Слава богу, нашла!

Ввожу свой пароль. И тут же меня пронзает чувство вины, потому что на экране всплывают непрочитанные сообщения от Шона.

Боже, знать бы ему, чем я занималась, пока он слал мне эти проникновенные сообщения! Не то чтобы я должна объясняться с ним, мы расстались, и это не изменить. Но тем не менее я чувствую себя ужасно, зная, что трахалась с кем-то другим, в то время как Шон был дома и отчаянно старался вернуть меня.

И не просто с кем-то другим. Я переспала с *Дином*. С Дином, у которого почти состоялся секс втроем, пока я не появилась. С Дином, который трахает всех, у кого есть пульс. С Дином, который...

– А ну-ка дай его сюда, куколка.

Его голос пугает меня, и я взвизгиваю. Моя голова поворачивается в сторону кровати, где сидит Дин, проводя рукой по взъерошенным после сна волосам. Судя по его виду и голосу, он отлично выспался. Его зеленые глаза полны жизни, а обнаженное тело... меняется.

Я чувствую, что краснею, когда у него встает член, поэтому быстро опускаю глаза на свои голые ноги.

– Пожалуйста, прикройся.

– Ночью ты говорила другое.

Его насмешка вызывает раздражение.

– Мы не будем обсуждать прошлую ночь. Никогда.

Мои слова, похоже, лишь еще больше развеселили Дина.

– Ой, успокойся. Это всего лишь секс.

Он не спешит прикрывать нижнюю часть своего тела. Наоборот, потягивается, привлекая мое внимание к сокращающимся мускулам и запястьям, красным отметинам на его запястьях...

Потому что я привязывала его к кровати.

Боже мой!

Дин замечает, куда устремлен мой взгляд, и ухмыляется.

– По правде, я не ожидал, что ты такая эксцентричная в сексе, – подмигнув, говорит он. –

Но мне даже понравилось.

Убейте меня. Просто убейте меня.

В очередном приступе стыда я хватаю то, что ближе всего ко мне из одежды, – черную футболку с треугольным вырезом, которую тут же натягиваю. Меня окутывает знакомый аромат, пряный, мужской. Его я вдыхала прошлой ночью, когда мои губы путешествовали по обнаженной груди Дина, когда я утыкалась лицом в его шею и сосала его кожу как конфету. У него на шее еще один засос. Да уж, я пустилась во все тяжкие.

– Мы не обсуждаем это, – говорю я сквозь стиснутые зубы. – Был секс, очень неплохой, но больше не надо упоминать о нем.

– Очень *неплохой*? – Ухмыляясь, Дин проводит ладонью вниз по груди, его длинные пальцы останавливаются прямо над головкой набухшего члена. – Он был больше чем очень неплохой, и ты знаешь это.

– Оденься, а? Ну пожалуйста-пожалуйста, – умоляю я его.

– Не могу. Моя футболка на тебе. – Он выгибает бровь. – Может, тогда ты снимешь ее и бросишь мне?

Черта с два. Этот парень больше никогда не увидит меня голой.

Решив не отдавать ему футболку, я делаю следующую, на мой взгляд, гениальную вещь – поворачиваюсь к нему спиной. И начинаю копаться в своем телефоне. Пропустив СМС Шона, читаю сообщения от подруг: одно – от Ханны, интересующейся, как у меня дела, а второе – от Мег, которая предлагает мне вместе позавтракать.

Я быстро печатаю Мег громкое «ДА» и прошу ее заехать за мной к Гаррету. Как только появляется серое облачко, означающее, что она пишет ответ, у меня отбирают телефон.

– Эй! – Я испуганно оборачиваюсь и, конечно же, вижу за собой Дина. Парень двигается как ниндзя.

– Я отвечаю за него, помнишь? – Он снова потешается надо мной, не давая дотянуться до телефона. – Как твой опекун я должен рекомендовать тебе не открывать... – Дин смотрит на экран, – эти девять сообщений от твоего бывшего. Оттого что ты прочитаешь их, не будет ничего хорошего.

И он прав. Но после того, что случилось между нами прошлой ночью, Дин больше не будет отвечать за мою личную жизнь.

– Все в порядке, – бормочу я. – Мне не нужна твоя помощь.

Дин повторяет свои насмешливые слова.

– Ночью ты говорила другое. Твой телефон остается со мной на все выходные, кошечка Элли.

Кошечка Элли? О, помоги мне, Ронда! Дин придумал мне прозвище.

– Я встречаюсь с подругой, – натянуто говорю я. – И мне нужен мой телефон, ясно? Я освобождаю тебя от обязанностей моего опекуна, потому что после завтрака вернусь в общежитие.

Дин хмурится.

– Но ты собиралась остаться на весь уик-энд.

– Больше не собираюсь.

Я снова предпринимаю попытку вернуть себе телефон. Но Дин опять отодвигает его от меня.

– Потому что мы переспали этой ночью?

Мои щеки горят огнем.

– Какую часть из «не надо больше упоминать о нем» ты не понял?

– Чушь какая-то. Ты не можешь уйти только потому, что мы вчера напились и пару раз трахнулись. Ты очень эмоционально реагируешь.

Я глубоко вздыхаю.

– Пожалуйста, давай больше не поднимать эту тему.

– Детка, думаешь, мне нравится говорить об этом? Да я лучше буду кататься на разбитом стекле, чем наутро разбираться с тем, что произошло прошлой ночью. Если бы ты была какой-нибудь другой девчонкой, я бы сказал тебе забыть об этом, но ты лучшая подруга Уэллси, а значит, нам нужно обо всем поговорить. – И тут до него доходит. – Вот блин! Уэллси убьет меня.

«Вот блин» – это точно. Если Ханна узнает, что я переспала с Дином, мне не избежать лекций о морали. Может быть, через несколько дней или через неделю – а лучше через десять недель – я смогу рассказать ей о том, что случилось прошлой ночью, но прямо сейчас я хочу забыть обо всем. И мне придется держать мою лучшую подругу в неведении так долго, как я только смогу.

– Она не убьет тебя, потому что мы ничего ей не скажем, – решительно заявляю я. – Seriously, это должно остаться только между нами.

– Согласен.

– И ты никогда не будешь снова поднимать эту тему. Лично я считаю, что ничего не было. Дин нахально ухмыляется мне.

– Не надо обманывать саму себя, куколка. Теперь ты не сможешь думать ни о чем другом, попробовав это на вкус. – Чтобы у меня не осталось сомнений, о чем он говорит, Дин обхватывает ладонью свой член и медленно проводит по нему вверх-вниз.

По телу прокатывается волна жара.

Черт! Дурацкий Дин и его дурацкий великолепный член.

– Я уже обо всем забыла, – вру я. Но воспоминания один за другим вспыхивают в моей голове, вызывая желание закричать от отчаяния.

– Таким ты мне нравишься...

– Ха. Признайся, значит, я все-таки тебе нравлюсь? – растягивая слова, спрашивает он.

Я улыбаюсь, глядя на его запястья.

– Я сказала, что ты мне нравишься *таким*. – Мой рот медленно опускается к его эрегированному члену. – Полностью в моей власти.

О боже. Мои щеки снова горят. Шон не всегда поддерживал мои авантюрные идеи в сексе. Мне все время приходилось упрашивать и умолять его попробовать очередную эксцентричную идею, которая вдруг вызывала у меня интерес.

Дин же и бровью не повел, когда я захотела поэкспериментировать.

– Тебе нужно напомнить, как это было хорошо? – Он насмешливо склоняет голову набок, его рука по-прежнему обхватывает член.

– Нет, мне нужно, чтобы ты вел себя как взрослый, черт побери! – восклицаю я, начиная терять терпение. К тому же злость на саму себя мешает сохранять спокойствие. – У меня похмелье, мне стыдно, а ты лишь делаешь хуже, то и дело бросая мне в лицо события прошлой ночи!

С лица Дина тут же сходит все самодовольство.

– Черт. – Он откашливается, отпускает свой член и одним быстрым движением поднимает с пола штаны. – Прости. Я не хотел расстраивать тебя. – Дин одевается. – И тебе не за что стыдиться. Мы оба совершеннолетние. Подумаешь, немного повеселились и заставили друг друга пару раз кончить. Ничего такого, правда ведь? Но если ты действительно хочешь, чтобы я больше никогда не поднимал эту тему, я не буду.

Я протяжно выдыхаю.

– Спасибо.

Дин изучает мое лицо.

– У нас все в порядке?

Я отвечаю лишь кивком. Голова по-прежнему раскалывается на части, но сейчас я чувствую слабость в теле и ногах не только потому, что у меня похмелье. То, что я сделала, было так непохоже на меня! Ужасно сознавать, что я переспала с другим парнем спустя каких-то двадцать четыре часа после разрыва с Шоном. Это не я, черт побери.

– Ты уверена? – не отстает Дин.

Я заставляю себя заговорить.

– У нас все в порядке, Дин. – Мой телефон начинает вибрировать, и я вижу сообщение от Мег. Она подъедет через пять минут. – Мне нужно одеться. Скоро приедет Меган. – Я закусьваю губу, когда меня снова озаряет. – Блин. Моя одежда осталась внизу. Такер...

Я умолкаю, а Дин подходит к окну и выглядывает из-за шторы.

– Его нет. Вернее, пикапа Логана нет. Думаю, он даже и не приезжал.

На меня накатывает волна облегчения, но с примесью злости. Ну почему Такера не было вчера дома, когда он был так мне нужен? Будь он здесь, я вряд ли оказалась бы в постели Дина. А может, наоборот, я очутилась бы в постели Такера – ведь он самый сексуальный рыжий парень из всех, кого я знаю. А еще он гораздо спокойнее своих соседей и хотя не любит много говорить о себе, я нахожу его умным, вежливым и определенно очень привлекательным.

Если задуматься, Так был бы куда *лучшим* кандидатом для реабилитационного секса.

– Я спущусь вниз, возьму одежду, – смущенно говорю я Дину.

Он окликает меня:

– Что ты собираешься говорить Уэллси, если она спросит, почему ты уехала раньше?

Ведь она обязательно спросит.

Проклятье. Дин прав.

– Я скажу ей, что решила взять себя в руки и разобраться со своими чувствами дома.

Я уже почти выхожу из комнаты, когда его голос вновь заставляет меня остановиться.

– Элли.

– Да, – оборачиваюсь я.

В его глазах мелькает сожаление.

– Ты уверена, что в порядке?

Нет, я совсем в этом не уверена.

– Да, все нормально, – вру я и выбегаю из комнаты.

Хорошо, что в доме больше никого нет, кто мог бы стать свидетелем моего позора.

4

Дин

Я всегда был популярным. Даже в своих самых ранних воспоминаниях все время окружен друзьями и девчонками, множеством девчонок. В средней школе, когда учитель отворачивался к доске, они, хихикая, передавали мне записки со словами: «Я тебе нравлюсь?». В старших классах боролись за мое внимание и выстраивались в очередь, чтобы целоваться со мной на поле для лакросса после уроков.

А в колледже... даже не просите меня рассказывать про колледж. Мне казалось, я уже знал, что значит притягивать девушек как магнит, когда поступил в Брайар, но прошедшие три года перекрыли даже собственные представления о моей привлекательности. Чем старше я становлюсь, тем больше представительниц прекрасного пола жаждет моего внимания.

Так что меня совсем не удивило, что прошлой ночью Элли первой поцеловала меня. Это стало понятно с того момента, как она заметила, что у меня «идеальные соски».

Но выражение неподдельного отвращения на ее лице, когда мы проснулись вместе в одной кровати, – это что-то новенькое.

– Этот Корсен не остановил бы шайбу, двигайся она по прямой ему навстречу со скоростью три километра в час.

Ворчание товарища по команде отвлекает меня от мыслей, и я сдерживаю стон. Мой подопечный, Хантер, похоже, совсем незнаком с этикетом совместных попок. Мы ходим в бар не для того, чтобы ворчать и жаловаться о хоккейном матче, а чтобы как следует расслабиться. Все, точка.

Но парнишке всего восемнадцать. Скоро он наберется уму-разуму.

– Чувак, игра была два дня назад, – говорю я нашему новичку. – Кончай переживать.

Я оглядываю бар в поисках Такера, но мой сосед еще не появился. Сегодня здесь собрались главным образом любители хоккея: несколько моих товарищей по команде, куча фанатов и, конечно же, полуголые хоккейные зайки. В нашу сторону с интересом посмотрела уже не одна девушка, но Хантер, судя по всему, этого даже не заметил.

На его лице сквозит напряжение, и он едва притронулся к выпивке.

– А знаешь, это твоя вина. – В его тоне слышно раздражение. – Я вообще не собирался играть в этом году, но тебе все-таки *удалось* меня уговорить. Моя карьера могла бы завершиться на почетном титуле выдающегося нападающего в команде номер один среди частных школ страны. А сейчас я никому не известный левый нападающий, втоптаный в грязь.

Я делаю глоток пива.

– Кто-нибудь хоть раз говорил тебе, что ты не умеешь проигрывать?

– Да иди ты! Как будто *сам* любишь проигрывать.

– Конечно, нет. Но я понимаю, что победа – еще далеко не все. И знаешь что: соломинки, бревна и так далее, и тому подобное.

– И что это должно означать?

– А то, что вместо того, чтобы винить Корсена в том, что он пропустил три гола, тебе следует сфокусироваться на том, что сам ты не забил ни одного. Это тебе не частная школа, суперзвезда. Обыграть защитников университетских команд совсем не просто.

Грубовато сказано, но верно. И Хантеру Давенпорту не помешает это знать. На тренировках тренер не особо давит на Хантера, потому что, если не брать в расчет Гаррета, это единственный нападающий в команде, способный стать великим игроком. Но, в отличие от того

же Гаррета, у Хантера есть один весомый недостаток: он очень самоуверенный, считает себя следующим Сидни Кросби.

– Хочешь сказать, я недостаточно хорош, чтобы играть на таком уровне? – Вместо гнева на лице Хантера появляется досада, вызванная уже его главным *преимуществом*: он всегда стремится стать лучше.

– Я хочу сказать, что тебе нужно работать. Во время последнего матча ты допустил несколько ошибок дилетанта: к примеру, когда Фитци оказался в трудном положении после численного преимущества, ты помчался спасать его – а это не твоя работа, бро. Не откатывайся на противоположный фланг, оставляй это центровым.

Хантер быстро делает глоток пива.

– И иногда ты лажаешь во время игры. Как в тот раз, когда защитник Иствуда сделал отличную передачу, приведшую к выходу их игрока один на один с нашим вратарем. Ты должен был предугадать, кому предназначалась та передача, но рассчитал все неверно.

– Я постоянно наблюдал за шайбой, – возражает Хантер.

– Забудь про шайбу, чувак. Наблюдай за *игроком*, за тем, на кого он смотрит, куда перемещаются его товарищи по команде. Разгадай, кому он собирается бросать, и перехвати эту передачу.

Хантер затихает, а когда начинает говорить, кажется хоть и вынужденно, но впечатленным.

– А ты это сечешь, да?

Я пожимаю плечами. Обо мне сложилось мнение, что, в отличие от своих товарищей по команде, я не очень серьезно отношусь к хоккею. Возможно, в этом есть доля правды, но это не значит, что я не понимаю технических сторон и нюансов игры.

Сколько себя помню, хоккеем всегда был частью моей жизни. Я рос, играя в эту игру. В лакросс – тоже, но лишь чтобы как-то занять себя весной, до тех пор пока не начнется хоккейный сезон. Мои отец и старший брат тоже играли в хоккей во время учебы в Гарварде. И я мог бы, но выбрал Брайар. Я всегда шел по их стопам, но тут, наверное, мне просто захотелось хоть в чем-то быть отличным от них.

Конечно же, я играю в хоккей не потому, что в него играли отец и брат. Я просто обожаю эту игру, хотя не испытываю того же восторга, что овладевает Гарретом и Логаном, стоит им выйти на лед.

Если честно, куда большее удовольствие мне доставляют тренировки: упражнения и тренировочные матчи, возможность стать лучше и помогать в этом своим товарищам по команде. А вот профессиональная карьера меня не интересует, что безумно радует мою семью: Хейворды Ди Лаурентисы не становятся спортсменами-профессионалами – они идут в юристы. Следующей осенью я буду учиться в Гарвардской школе права, как и любой член моей семьи. И меня это полностью устраивает, ведь я не сомневаюсь, что преуспею и там. Обаяния Ди Лаурентисов, которое я унаследовал от отца, с лихвой хватит, чтобы расположить к себе всех судей.

– В чем еще я ошибаюсь? – В голосе Хантера больше любопытства, чем злости.

Я ухмыляюсь ему.

– Что если на этой неделе мы потренируемся один на один? Я узнаю у тренера, сможет ли он выбить для нас дополнительное время на катке.

– Правда? Вообще-то, я буду даже рад. Спасибо...

Я прерываю его:

– Только если ты больше не скажешь ни слова о хоккее. – Я показываю на переполненный бар. – Оглянись: здесь полно горячих телочек. Выбирай любую и развлекайся, дурила.

Хантер смеется, но его глаза начинают блестеть, когда он принимается разглядывать бар. Несколько цыпочек улыбаются ему в ответ призывной улыбкой, но вместо того, чтобы хотя бы махнуть им рукой, Хантер смотрит на меня – вернее, на мою шею – и усмехается.

– А может, ты познакомишь меня с той дикой кошечкой, с которой веселился прошлой ночью? По всему видно, что с Мисс Засос не соскучишься.

Я тут же напрягаюсь. Ни за что на свете не позволю этому мальчишке оказаться рядом с Элли. Пусть он и молод, но верно идет к тому, чтобы стать куда лучшим хоккеистом, чем я.

Хотя, может, в этом случае стоит волноваться о Хантере. После того, что вчера устроила Элли Хейз, нет сомнений, что девчонка вполне способна оставить свой след на мужчине. Боже, как она *совокупляется!*

Черт, теперь у меня полуэрекция. И такое происходит со мной весь день, стоит мне подумать об Элли. У меня уже давно не было настолько горячего секса. Проклятье, мои запястья до сих пор болят после того, как она привязала меня к кровати, но эта боль только больше распяляет во мне желание повторить это.

Обычно я не трахаю одну и ту же телку, но сейчас моему члену не терпится оказаться в ненасытной киске Элли.

– Прости, суперзвезда, но этого не будет, – отвечаю я Хантеру. – Найди себе свою дикую кошечку.

– Ладно. – Ухмыляясь, он снова окидывает взглядом бар. – О да. Похоже, я знаю, с кем сегодня отправлюсь домой.

Я следую за его взглядом, устремленным к длинной деревянной столешнице бара, к которой прильнула высокая брюнетка, чтобы заказать себе выпить. На ней короткая черная юбка и высокие каблуки, длинные темно-каштановые волосы волнами спадают на спину. Бармен за стойкой чуть не обливается слюнями, жадно поглядывая на ее рубашку, значит, у нее должна быть отличная грудь. Но мне видна лишь ее задница, и она, скажу я вам, просто потрясная.

В прежние времена я бы давно принялся обхаживать эту брюнетку, но сегодня у меня нет настроения. Мои мысли то и дело возвращаются к Элли, ее киске и сиськам. Боже, до чего же офигенные у нее сиськи! Отлично ложатся в руку, с бледно-розовыми сосками, которые стали тверже льдинок, когда я сосал их.

Я вздыхаю и поправляю штаны в районе промежности. Ради всего святого, пора уже перестать думать о прошлой ночи. Видит бог, Элли твердо намерена забыть о ней раз и навсегда.

– Что ты думаешь? – спрашивает меня Хантер.

Я перевожу взгляд на брюнетку.

– Мне кажется, она может оказаться тебе не по зубам.

– Я хоккеист. Мне все по зубам.

– И то правда. – Я фыркаю от смеха. Это было первое, чему я научил Хантера, когда взял его под свое крыло в начале этого сезона. Но все-таки брюнетка невообразимо сексуальна. Такая женщина может уйти с любым парнем из этого бара, и мне не верится, что первокурснику Хантеру может настолько повезти, несмотря на хоккейный свитер с логотипом Брайара.

Но вот девушка, за которой мы с восхищением наблюдаем, оборачивается. И меня тут же передергивает от отвращения.

– О черт, нет. Держись от нее подальше, парень. Она та еще стерва.

– А мне так не кажется, – растягивая слова, отвечает Хантер.

Наивный засранец. Повезло ему, что я знаю, о чем говорю. Сабрина Джеймс, бесспорно, сногшибательно красива, но я скорее вылью себе на яйца горячий воск, чем пересплю с ней, точнее, пересплю с ней *снова*.

Да, я уже наступал на эти грабли.

Кто-то толкает меня в спину, и, обернувшись, я вижу подошедшего к нам Такера. Его черно-серебристая куртка насквозь промокла, с волос стекает вода.

– Боже, там льет как из ведра. – Он стряхивает с себя воду, словно собака, только что выскочившая из озера.

– Эй, Фидо, отряхивайся где-нибудь в другом месте, – отчитываю я его, когда холодные капли попадают мне на лицо и в глаза.

Хантер даже не замечает, что вода, стекающая с Такера, замочила нашу обувь. Он упорно занят тем, что с плотоядным видом разглядывает Сабрину.

Так следует за его взглядом.

– Милая, – замечает он и с ухмылкой поворачивается ко мне. – Я так понимаю, ты уже заявил о своих правах на нее?

Я бледнею.

– Ни за что. Это же Сабрина, брат. Она и без того каждый день действует мне на нервы на занятиях. Не хватало, чтобы это продолжалось и после них.

Мы с Сабриной вместе учимся по специальности «Политология» на курсе введения в право, поэтому у нас, как мне кажется, очень много совместных предметов. К тому же меня совершенно не радует тот факт, что мы оба собираемся поступать в Гарвардскую школу права, а мысль о том, что мне еще два года придется сидеть с ней в одних и тех же лекционных залах, делает идею самоубийства все более возможной.

– погоди, это и есть Сабрина? – удивленно переспрашивает Такер. – Я все время встречаю ее в кампусе, но даже не представлял, что это на нее ты нам все время жалуешься.

– Она самая.

В голосе Такера начинает проявляться протяжный акцент южанина.

– Чертовски жаль. Она красавица.

– Что у вас за история? – встревает Хантер. – Она твоя бывшая?

Я аж отшатываюсь.

– Да нет же!

– Значит, я не нарушу братский кодекс, если подкачу к ней?

– Ты хочешь подкатить к ней? Флаг тебе в руки. Но предупреждаю: эта сучка съест тебя живьем.

Сабрина резко поворачивает голову в нашу сторону, как если бы у нее был внутренний радар, срабатывающий при каждом упоминании о ней как о сучке. Готов поспорить, что срабатывал бы он часто.

Когда наши взгляды встречаются, она ухмыляется мне, показывает средний палец, а затем отворачивается, чтобы продолжить разговор с подругой.

Хантер стонет.

– Ну вот. Теперь она даже не посмотрит в мою сторону, потому что увидела меня с тобой. Да чем ты ей так насолил?

– Совершенно ничем, – мрачно отвечаю я.

– Чушь. Девчонка не станет убивать парня взглядом, если он не облажался по-крупному.

Ты переспал с ней?

Такер фыркает.

– А ты сам как думаешь? Только *посмотри* на нее.

– Внешность бывает обманчивой, – бормочу я.

Мой сосед с сомнением наклоняет голову.

– Значит, ты не спал с ней?

Я вздыхаю.

– Нет, спал. Но это было очень давно. А я уверен, что у секса тоже есть срок годности. Например, когда прошло три года, это уже не считается.

Парни смеются.

– Дай догадаюсь, – говорит Такер. – Ты ей потом не перезвонил?

– Нет, – честно отвечаю я. – Но скажу в свою защиту, что трудно перезвонить девчонке, если она, во-первых, не оставила тебе свой номер телефона, а во-вторых, ты ничего не помнишь.

У Хантера отвисает челюсть.

– Как так случилось, что ты не смог вспомнить *такое*? – Черт, парень практически исходит слюной, когда снова начинает разглядывать Сабрину.

– Мы оба были пьяные в хлам. Поверь, она тоже не особо много помнит.

– И поэтому она так ненавидит тебя? – продолжает допытываться Хантер.

Я отмахиваюсь.

– Не-е. Ее ненависть вызвана кое-чем другим. О чем я, кстати, больше не собираюсь говорить, потому что сейчас вечер субботы и мы должны отрываться на всю катушку.

Такер усмехается.

– Пойду возьму себе пива. Вам как, нужна добавка?

– Мне хватит, – отвечает Хантер.

Так уходит к барной стойке, а я достаю свой телефон, чтобы посмотреть, который час. Уже половина десятого. Я прокручиваю список контактов, а Хантер снова начинает говорить со мной о хоккее. Кажется, у меня должен был сохраниться номер Элли, этой весной она организовывала вечеринку на день рождения Ханны и рассылала нам сотни сообщений, посвящая даже в самые незначительные детали предстоящего праздника.

Да, он по-прежнему есть в моем телефоне. Я сохранил ее номер как «светленькая подружка Уэллси», хотя, похоже, пора переименовать ее в «девушку с веревкой».

Я быстро набираю сообщение.

Я: Как добралась до общежития?

Дурацкий вопрос, потому что она уехала от нас утром и, конечно, уже давно приехала к себе. Но, к моему удивлению, Элли отвечает почти сразу.

Она: Ага. Уже дома.

Я: Сегодня на улице хреново. Так что лучше там и оставайся.

На это сообщение она уже не отвечает. Я с досадой смотрю на экран, а потом задумываюсь: и почему мне не все равно? Я же король случайных связей. Переспав с девушкой, я вряд ли захочу повторить это снова, и если существует та, с которой мне точно не следует спать вновь, то это Элли.

В моем списке того, что пугает меня до смерти, не так много пунктов, но девушка Гаррета заняла твердую позицию в первой тройке. Уэллси вряд ли обрадуется, узнав, что я переспал с ее лучшей подругой, а когда Уэллси чем-то недовольна, то недоволен и Гаррет, а значит, мне придется иметь дело с то и дело разочарованно цокающим Джи. Логан последует его примеру, затем к акции «Дин – козел» присоединится Грейс, и тут уже щелчки посыплются на меня со всех сторон. Этого уже хватит, чтобы не идти в том направлении, но мое возбужденное тело чертовски упрямо.

Я хочу ее снова.

Ведь еще один разочек никому не повредит. Черт, а может, и два? Даже не знаю, сколько раз мне потребуется трахнуть ее, чтобы забыть раз и навсегда. Пока мне известно лишь одно: стоит мне лишь подумать об Элли, как мой член тут же становится тверже камня.

Сидящий рядом со мной Хантер уже переключил внимание на компанию девиц за соседним столиком, и я не могу сдержать гордости за него, когда один едва заметный кивок его головы заставляет трио встать со своих мест и подойти к нам. Мой мальчик знает, как вести игру.

– И кто из вас угостит нас? – шутит одна из девушек, высокая блондинка в коротком платье, едва прикрывающем бедра.

Только Хантер открывает рот, чтобы ответить ей, как освещение в баре начинает зловеще мигать.

Я хмурюсь и смотрю на только что вернувшегося Такера.

– Там что, надвигается Апокалипсис?

– Льет как из ведра, – отвечает он.

Лампы перестают мигать. По-моему, это знак сваливать отсюда, потому что, если нам вдруг придется столкнуться с отключением электричества, пусть уж я лучше буду дома, чем в дороге. К тому же, несмотря на все мои разговоры о том, чтобы уйти в отрыв, сегодня у меня нет настроения засиживаться в баре.

– Эй, я ухожу. – Я хлопаю рукой по плечу своего соседа. – Увидимся дома.

От меня не ускользает разочарование, появившееся на лицах девушек, но уверен, что они забудут обо мне в ту же секунду, как Хантер и Так включают свое обаяние.

Через минуту я уже выхожу из бара и понимаю, что Такер не шутил. Добежать до машины занимает десять секунд, но их хватает, чтобы промокнуть до нитки и замочить водой весь кожаный салон моего «бумера». Разряды молнии, расчеркивающие небо, такие яркие, что я сомневаюсь, стоит ли вообще включать фары. Ослепительно-белые вспышки вполне могут освещать мне путь до дома.

Я снова достаю телефон.

Я: Погода хуже, чем думал. Приготовь фонарик на случай отключения электроэнергии.

О господи! Мои слова похожи на выдержки из дерьмового руководства по выживанию. И зачем вообще я ей пишу?

Элли отвечает:

Спс³ за совет.

А затем:

Правда, хватит волноваться обо мне. Я читаю на диване. Под одеялом. Уютно, как клопу в кружке.

Я: В ковре.

Она: ?

Я: Клопу в КОВРЕ. Так говорят⁴.

После целых пяти минут молчания телефон в моей руке начинает звонить. Широко улыбаясь, я отвечаю на звонок.

– Почему клоп должен быть именно в ковре? – сердито спрашивает она.

Я фыркаю.

– А почему именно в кружке?

– Потому что там ему очень уютно! А если он будет в ковре, то кто-нибудь может наступить на него.

– А если он будет в кружке, кто-нибудь может *выпить* его.

– Мы сейчас что, пишем жалкую пародию на книгу Доктора Сьюза⁵?

Из меня так и рвется смех.

– Черт, а ведь похоже!

³ Спасибо..

⁴ Имеется в виду поговорка *Snug as a bug in a mug*. Дословный перевод: «Уютно, как клопу в ковре». Русские эквиваленты: «Тепло, светло и мухи не кусают», «Очень уютно».

⁵ Доктор Сюз (Теодор Зойс Гайзель, 1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор, на сегодняшний день является самым продаваемым детским писателем на английском языке (для маленьких детей). Среди его известных работ: «Как Гринч украл Рождество», «Кот в шляпе», «Лоракс» и др.

– Тогда моя строчка лучше.

Меня отвлекает звук барабанищего по ветровому стеклу дождя. Он усилился, а через секунду все освещение на парковке гаснет.

Я ругаюсь под нос, когда мою машину окружает темнота.

– Вот дерьмо! В «Малоун» только что отключили электричество, – говорю я Элли. – Сиди дома. И не ходи по коридорам Бристоль-Хауса, если выключат свет.

– Ты думаешь, что в общежитие проберется серийный убийца и примется охотиться на меня? – Она умолкает. – А даже если такое и случится, я смогу дать ему отпор.

Я фыркаю.

– Ага, конечно.

– Эй, я могу быть *беспощадной*, – настаивает Элли. – Когда мне было четырнадцать, мы с папой участвовали в довольно серьезной программе по самозащите для отцов и дочерей.

– Самозащита для отцов и дочерей? Такое разве бывает?

– Нет, но у нас было. Когда я была подростком, папа много путешествовал, так что когда он бывал дома, то придумывал весьма изобретательные способы, чтобы мы могли сблизиться. Но так как он был Мистер Мачо, то и занимались мы всякими мальчишескими делами: рыбачили, катались по бездорожью на великах или учились, как надрать друг другу зад. Ладно, я вешаю трубку. Хочу уже закончить с этой пьесой. – Она замолкает. – Будь осторожен за рулем.

– погоди, – быстро говорю я, пока Элли не успела повесить трубку.

– Что?

Я смотрю на капли дождя, стекающие по ветровому стеклу, и думаю, что за чертовщина со мной творится.

Затем, облизав вдруг пересохшие губы, говорю:

– Я хочу трахнуть тебя еще раз.

Мне слышно, как у нее перехватывает дыхание.

Внутри меня все звенит от напряженного предвкушения. Я думаю о том, как сладкие изгибы ее задницы заполняют мои ладони, как напрягаются ее соски под моим языком, как ее киска сжимается вокруг моего члена.

Молчаливый стон дрожью прокатывается по груди. Чтоб меня! Как же сильно я хочу эту девчонку! И затаив дыхание жду ее ответа.

После долгого молчания ее сердитый голос произносит:

– До свидания, Дин.

Когда на том конце вешают трубку, из меня вырывается полный досады и бессилия стон.

5

Элли

Я вешаю трубку, и мое сердце начинает колотиться как сумасшедшее. Я не ожидала, что он это скажет, вообще не ожидала.

«Я хочу трахнуть тебя еще раз».

Нет, понятно, почему он так сказал: я изумительна в постели.

Но я ни в коем случае не собираюсь снова переспать с этим парнем, особенно после того, как целый день ощущала себя чертовой Эстер Прин⁶. Вот только самоосуждение, которым я извожу себя, куда страшнее, чем все, что пришлось испытать бедной женщине из-за этих пуритан.

Боже, все-таки случайный секс не для меня. Я чувствую себя... совращенной, что само по себе нелепо, ведь кого вчера совратили, так это Дина. Я не только соблазнила его, но и привязала к кровати, скакала на нем верхом, как на личном аттракционе в парке развлечений.

Какая же я шлюха!

Ты не шлюха.

Ладно, может, я и не шлюха. Я просто двадцатидвухлетняя девушка, которая раз в жизни решила повеселиться без всяких обязательств.

Есть лишь одна проблема: мне нравятся обязательства. Для меня секс и отношения – одно целое. Мне нравятся все эти уютные объятия, шутки, понятные лишь двоим, разговоры допоздна. Я почетный член команды «Бойфренды», а после вчерашней ночи могу честно сказать, что команда «Секс на одну ночь» – полный отстой. Сам секс был чудесным, но чувство стыда, которое овладело мною после, не стоит тех оргазмов.

Вздохнув, я отбрасываю телефон на диванную подушку и поднимаю сценарий, который читала до того, как позвонил Дин. Эта написанная кем-то из студентов пьеса станет моей выпускной работой. У меня одна из двух главных женских ролей, и, несмотря на то что, на мой взгляд, сюжет немного мелодраматичен, я с нетерпением жду репетиций. После театрального дебюта в Бостоне этим летом мне очень хочется снова выступить перед зрителями.

А это еще один из факторов, усиливающих стресс, который я испытываю. Я стою на распутье и, черт побери, не имею ни малейшего понятия, каким путем пойти!

Когда я поступила в колледж, то попросила своего агента ограничиться лишь поиском проектов на лето. Было бы очень заманчиво бросить учебу ради интересной роли, а мне хотелось получить степень. Теперь, когда выпускной совсем близко, все резко изменилось. Пилотный сезон начинается где-то в январе, и Айра уже выслал мне десятки текстов ситкомов, сериалов с элементами драмы и комедии типа «Хора», а также сценариев романтических комедий, по которым я обычно и пускаю слюни.

Я всегда думала, что предназначена для комедийных ролей. Заразилась актерской игрой, еще когда училась в средней школе, и за это время мне постоянно доставались небольшие роли легкомысленных девушек, подчеркивающие мой комедийный талант и типаж соседской девчонки. Я мечтала о том, чтобы стать королевой романтических комедий. Следующей Сандрой Буллок, Кейт Хадсон или Эммой Стоун.

До этого лета, когда начался кастинг на роль в суперсерьезной, супермрачной пьесе оscarносного режиссера и вообще чертового гения Бретта Каваны. Каким-то чудесным образом

⁶ Эстер Прин – героиня романа Натаниеля Готрона «Алая буква». В отсутствие мужа зачала и родила девочку, за что была подвергнута показательному наказанию за возможную супружескую измену.

моему агенту удалось добиться для меня прослушивания перед самим Каваной, и, к моему полнейшему изумлению, я получила роль подсевшей на героин младшей сестры главной героини. Спектакль шел лишь два месяца, но имел огромный успех. И с тех пор я стала получать сотни предложений пройти прослушивание на более драматические роли как в театрах, так и на телевидении.

А еще мне сказали, что Кавана готовит новый проект для театра, на этот раз экспериментальный...

Черт, и почему меня так и подмывает сойти с того пути, который я себе наметила? Рассматривать не только комедийные, но и драматические роли – это одно, но *театр*...

Голливуд манит большими деньгами, известностью, «Оскарами», «Золотыми глобусами» и прогулками по магазинам на Родео-Драйв.

Я смотрю на стопку сценариев, лежащих на кофейном столике. Что если меня утвердят на роль в одном из этих пилотных эпизодов, которыми завалил меня Айра, и сериал наберет популярность? А если меня позовут в какой-нибудь фильм? Это может стать моим прорывом в кинобизнесе. Тогда почему я продолжаю мечтать об игре на сцене?

Я все еще погружена в раздумья, когда звонит телефон. Взглянув на экран, я сначала думаю, что это снова Дин, но, присмотревшись внимательно, вижу, что Шон. Да уж. Имена моего бывшего парня и парня, с которым я вдруг переспала, отличаются лишь двумя буквами. Интересно, это что-то значит?

Эй, идиотка, тебе звонит Шон.

М-да, похоже, сейчас это самая насущная проблема.

Меня наполняет чувство тревожного волнения. Не стоит отвечать на этот звонок. Не нужно.

Но я беру трубку.

– Ты в порядке? – Это его первые слова.

В голосе Шона столько тревоги, что я спешу успокоить его.

– Со мной все в порядке. А что?

– Вчера я заходил к тебе после занятий, но тебя не было дома. И я всю ночь писал тебе.

– Знаю. – Я сглатываю вставший в горле ком. – Я ночевала у друзей. Я... – Еще один ком. – Я же сказала тебе, что больше не хочу тебя видеть.

– Я надеялся изменить твое решение. – В его голосе безошибочно слышится искренняя боль. – Черт подери, детка, я скучаю по тебе. Понимаю, прошла всего пара дней, но я уже очень сильно скучаю.

Мое сердце словно раскалывается на две половинки.

– Я облажался. Теперь я это понимаю. Не нужно было выдвигать тебе ультиматум и уж тем более не следовало говорить тебе, что твоя актерская карьера – это пустая трата времени. Побывав на твоей премьере в Бостоне, я был сражен наповал. Честное слово. Детка, ты необычайно талантлива! Я был последним мерзавцем, когда говорил тебе все то дерьмо. На самом деле я ничего такого не думаю.

Сейчас он практически умоляет меня, и от сердца откалывается еще один кусочек.

– Шон...

– Ты самый важный человек в моей жизни, – продолжает говорить он переполненным эмоциями голосом. – Ты очень много для меня значишь, и, блин, мне хочется придушить себя за то, что оттолкнул тебя. Прошу тебя, детка, дай мне еще один шанс.

– Шон...

– Я *знаю*, что смогу все исправить. Просто дай мне шанс...

– *Шон*.

Он умолкает.

– Детка, – неуверенным голосом продолжает Шон.

Горло сжимается так, что невозможно говорить, а тело будто пытается помешать мне сказать то, что я хочу. Но чувство вины продолжает мучить меня. Я не могу просто так сидеть и слушать, как Шон умоляет меня, испытывая такие сильные угрызения совести. Я снова сглатываю ком в горле и заставляю себя говорить.

– Этой ночью я переспала с другим парнем.

Ответом мне служит оглушительная тишина. Кажется, она длится уже вечность, и с каждой секундой мой желудок скручивается все сильнее.

– Ты слышал меня? – шепотом спрашиваю я.

Раздается какой-то приглушенный звук.

– Да... слышал.

Мы оба снова молчим. Боль и чувство вины продолжают грызть мою душу. Бессознательно в воспоминаниях всплывает день, когда мы с Шоном впервые встретились. Это было во время ознакомительной лекции для первокурсников, и я тогда подумала, что в жизни не видела такого симпатичного парня: растрепанные каштановые волосы, искрящиеся карие глаза и самая классная в мире задница. Я никогда не стеснялась говорить то, что думаю, и насчет его задницы высказалась вслух – тогда его щеки стали краснее футболки команды «Ред Сокс».

В тот же день, вечером, мы отправились поужинать в одну из студенческих столовых.

Неделю спустя стали встречаться.

А сейчас, три года спустя, расстались, и я только что призналась, что у меня был секс с другим парнем. Когда, черт возьми, все пошло не так?

– С кем?

Заданный сдавленным голосом вопрос вырывает меня из моих мыслей.

– Ч-что?

– С кем? – безжизненно спрашивает Шон.

Ощущение неловкости сжимает грудь.

– Неважно, с кем. Я больше не собираюсь с ним встречаться. Это было... – Я делаю вдох. – Это была глупая ошибка. Но я решила, что тебе следует знать.

Он ничего не отвечает.

– Шон!

На том конце слышится неровное дыхание.

– Спасибо, что сказала, – бормочет он.

И вешает трубку.

Проходит несколько минут, пока я отнимаю телефон от уха, а затем трясущейся рукой провожу по волосам.

Боже, это было... жестоко. Часть меня задается вопросом: зачем я вообще сказала ему об этом? Я же не изменила ему. Я *не обязана* была ничего говорить. И вообще, умолчав об этом, я бы избавила его от боли, которую он, должно быть, сейчас ощущает. Но я всегда была честна с Шоном, и какая-то глупая, совестливая часть меня решила, что он заслуживал все узнать.

С губ слетает полный муки стон. Сердце снова начинает болеть. Сейчас чувство вины стало еще сильнее, скрутившись в тугую, давящий узел в моем животе.

Вместо того чтобы продолжить читать сценарий, я беру свой iPod и засовываю в уши наушники. Потом натягиваю одеяло до подбородка и ставлю на повтор песню Майли Сайрус Wrecking Ball, потому что именно так я себя чувствую сейчас – разрушенной.

* * *

Дин

– О-о-о, ты только посмотри на него, Джи! Какой он хорошенький, когда спит.

– Как ангел.

– Погоди-ка, а ангелы занимаются сексом? А если занимаются, то небесные оргазмы, наверное, в миллион раз лучше земных, как думаешь? Готов поспорить, что так и есть.

– Эх ты! А откуда, по-твоему, берутся радуги? Видишь радугу – значит, где-то кончил ангел.

– О, точняк! Типа как когда звенит колокольчик, ангел получает свои крылья.

– Именно так.

Я открываю один глаз и смотрю в сторону дверного проема.

– Вообще-то, я вас слышу.

Мой раздраженный голос мигом прекращает эту невысказанно странную беседу.

– Вот и отлично, значит, ты проснулся, – говорит Логан.

– Конечно, проснулся, – потирая глаза, охрипшим со сна голосом отвечаю я. – Да и как тут поспишь, когда рядом с кроватью стоят два придурка и обсуждают, как ангелы занимаются сексом?

Гаррет усмехается.

– Как будто я первый, кто об этом задумался.

– Поверь, ты первый. Когда вы вернулись?

Логан опирается своим огромным плечом на косяк двери.

– Около часа назад. Грейси нужно было приехать пораньше, чтобы успеть к записи программы.

Я киваю. Девушка Логана работает продюсером на университетской радиостанции. Что напоминает мне о...

– Ты собираешься снова позвонить ей и признаться в любви? – с издевкой спрашиваю я.

Он вздыхает.

– Ты будешь припоминать мне это всю оставшуюся жизнь, да?

– Ага.

А вообще, мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь успел записать тот выпуск и я смог бы выбрать оттуда несколько цитат и потом изводить ими Логана. Совершив глупость и чуть не потеряв Грейс, в прошлые выходные Логан вновь завоевал ее тем, что позвонил в шоу советов, которое она выпускает, и наговорил кучу невысказанно слащавых вещей. Иногда я начинаю волноваться за него.

Отбросив в сторону одеяло, я, абсолютно голый, вылезаю из кровати. Мои соседи продолжают следить за мной со своих мест у дверного проема моей комнаты.

Я нахожу чистые трусы и натягиваю их.

– Клянусь, если вы скажете мне, что целый час смотрели на меня спящего, как парочка извращенцев, я вызову копов.

– Тренер звонил, – сообщает мне Гаррет, – сказал, что все утро пытался дозвониться до тебя, но ты не брал трубку. Он хочет, чтобы через час ты был на ледовой арене.

– Зачем? – настороженно спрашиваю я.

Гаррет пожимает плечами.

– Кто его знает? Может, он узнал, что в выходные ты напился в стельку, – думаю, ты напился, да? – и теперь хочет устроить тебе головомойку.

– И как он мог узнать? Вроде за нами никто не следит.

– Чувак, наш тренер как мастер над шептунами из «Игры престолов». У него бесчисленное количество источников.

Вот дерьмо. Но будем надеяться, что меня не ждет многословная речь тренера Дженсена о том, что нужно вести себя безупречно. Во время сезона нам нельзя пить или баловаться наркотиками, но это не останавливает нас от того, чтобы иногда напиться или раскурить косячок. И все же я ни разу не получал положительный анализ мочи на присутствие в организме наркотиков и мои вечеринки никогда не порочили доброе имя нашей команды. Так что не знаю, почему тренер постоянно достает меня по этому поводу.

– Ханна еще здесь? – спрашиваю я Гаррета, надевая штаны.

– Нет, уже уехала домой. У них с Элли сегодня девчачий день.

Хорошо, что я стою к ним спиной, потому что как только звучит имя Элли, мой член тут же встает. Чудесно. Теперь я уже возбуждаюсь и от звука одного лишь ее имени?

– Ты ведь не натворил никаких глупостей, пока она была здесь? – в голосе Гаррета слышится подозрительность.

Я дважды трахнул ее. Это считается?

Прикусив язык, я надеваю футболку, потом темно-синюю фирменную толстовку Брайара.

– Я вел себя как истинный джентльмен.

Логан фыркает.

– Ух ты, это что-то новенькое.

– Спасибо, блин, тебе большое. Вообще-то, я специалист в искусстве джентльменства.

– Это не искусство. И вообще, есть такое слово? – Закатив глаза, Логан покидает комнату, но Гаррет остается стоять на месте.

Он так долго вглядывается в мое лицо, что я начинаю неловко переступать с ноги на ногу.

– Что? – бормочу я.

– Ничего, – отвечает он и выходит из моей спальни, сохраняя на лице недоверчивое выражение.

Когда я заскакиваю в ванную, чтобы почистить зубы, то вижу, что фиолетовый засос на моей шее по-прежнему очень заметен. Интересно, видел ли его Гаррет?

А даже если и видел? В эти выходные к моей шее могла присосаться любая девица. У него нет причин подозревать, что это была Элли.

Ох уж эта Элли, черт бы ее побрал! Я сказал ей, что снова хочу ее, а она *повесила трубку!* Такого со мной еще не случалось никогда. Я же Дин Ди Лаурентис, вашу мать! Стоит мне только щелкнуть пальцами – как тут же рядом появляется стайка девиц, умоляющих о том, чтобы прокатиться верхом на моем члене. А последний раз, когда я был в университетской кофейне, красавица бариста протянула мне бесплатный кофе и предложила отсосать в кладовке.

Так что, черт подери, не так с Элли? Прошлой ночью я никак не мог уснуть, гадая, не строит ли она из себя недотрогу. Ведь секс-то ей понравился. Моему члену еще никто и никогда не отвешивал столько комплиментов.

«О боже, я хочу выйти замуж за твой член!»

«Лучший... член... в мире».

«Дин, я кончаю...»

Ее гортанные крики прокручиваются в моей голове снова и снова, словно на повторе, вызывая стояк, и мне приходится схватиться за сушилку для полотенец, когда из меня вырывается хриплый стон. Зубная щетка вываливается изо рта и падает в раковину. Член натянул мои трусы как палатку и утыкается в белый фарфор, стремясь коснуться хоть чего-то.

Тренер сильно рассердится, если я опоздаю на встречу, потому что дрович!

Наверное, сильно.

* * *

Спустя полчаса я провожу своей студенческой картой по панели у входа в хоккейный корпус, попивая кофе, который захватил по пути сюда. В широком коридоре пусто, и мои кроссовки скрипят на блестящем полу, пока я иду в дальний конец здания. Я прохожу мимо учебных классов и проекционного зала, кухни, тренажерных залов, а потом через огромную площадку с инвентарем.

Наш корпус построен по последнему слову техники. Здесь найдется полдюжины больших уютных кабинетов, куда Чэд Дженсен мог бы пристроить свой зад, но по какой-то причине он выбрал скромную комнату, втиснутую рядом с прачечной.

Я стучусь в дверь и, слегка приоткрыв ее, слышу грубоватое «входи!». Последнему, кто попытался войти сюда без стука, Дженсен устроил такой разнос, что все слышали его даже в душевой. Мне нравится думать, что тренер любит вздрочнуть у себя в кабинете и поэтому так настаивает на уединении. Логан предположил, что у него здесь есть тайная семья, которой можно выходить лишь глубокой ночью.

Какой же Логан придурок!

– Привет, тренер. Вы хотели видеть меня... – Я умолкаю, заметив, что мы не одни.

Меня не часто можно застать врасплох. Я из тех, кто плывет по течению, так что нужно чертовски постараться, чтобы шокировать или удивить меня.

Но прямо сейчас меня затягивает в пучину неприятной тревоги, пробравшей до самых костей.

Из кресла для посетителей поднимается Фрэнк О'Ши и пронзает меня своим холодным взглядом. Я не видел его с тех пор, как окончил старшую школу, но он выглядит точно так же, как тогда: приземистый, плотный, с коротко подстриженными темными волосами и губами, сложенными в жесткую линию.

– Ди Лаурентис, – коротко кивнув, произносит он.

Я киваю в ответ.

– Тренер О'Ши.

Дженсен переводит взгляд с него на меня, а потом приступает сразу к делу.

– Дин, Фрэнк стал членом нашей команды и будет отвечать за подготовку защитников. Он рассказал мне о том, что случилось в школе Гринвич. – Тренер делает паузу. – Я решил, что будет целесообразно, если вы оба решите ваши проблемы сейчас, а не на завтрашней тренировке.

Могу только представить, что мог рассказать О'Ши о том, что «случилось». Убежден лишь в одном: он был субъективен и едва ли отозвался обо мне положительно, потому что его версия событий настолько искажена, что даже истории в какой-нибудь бульварной газетенке покажутся вам тщательно исследованной научной работой.

Тренер Дженсен делает шаг в сторону двери.

– Я оставляю вас наедине.

Черт, он хочет уйти? А было бы здорово иметь свидетеля на тот случай, если О'Ши попытается что-нибудь проверить. В конце концов, этот мужик вырубил игрока собственной команды на пустой парковке школы. Мне тогда было восемнадцать. Я не стал обращаться в полицию, потому что понимал, почему он так поступил, но это не значит, что я все забыл или простил его.

О'Ши начинает говорить лишь тогда, когда дверь за тренером плотно закрывается.

– Итак, у нас с тобой будут проблемы?

Я стискиваю челюсти.

– Это вы мне скажите, – и заставляю себя добавить, – сэр.

Его темные глаза вспыхивают.

– Вижу, ты остался таким же заносчивым умником, каким был, когда я тренировал тебя.

– При всем уважении, сэр, я пробыл в этом кабинете от силы секунд пять. Не думаю, что за это время можно прийти к подобным выводам. – Мой тон остается вежливым, но внутри закипает гнев. Я всей душой ненавижу этого человека, и это просто какая-то гребаная насмешка судьбы, потому что когда-то я его боготворил.

– С моей стороны никаких проблем не будет, – говорит он так, будто я пока не произнес ни слова. – Прошлое осталось позади. Я бы хотел начать все с чистого листа, тем более если это создаст более благоприятные условия для тренировок.

Как великодушно с его стороны.

– Взамен я прошу лишь одного – относись ко мне с уважением и слушайся меня, когда мы на льду. Я не потерплю ослушания. – Рот О’Ши кривится. – И не буду закрывать глаза на ваши выходки. Дженсен сказал мне, что ты тот еще любитель вечеринок, что меня несколько не удивляет, – он презрительно усмехается. – Но если хочешь сохранить свое место в команде, то будь добр вести себя хорошо: никакого алкоголя, никаких наркотиков и скандалов. Понял меня?

Я киваю головой в знак согласия.

– А что касается наших былых проблем, то они больше не обсуждаются. – О’Ши достаивает меня очередным пронзительным, холодным взглядом. – Ни между нами двумя, ни между тобой и твоими товарищами по команде. Прошлое осталось позади, – вновь повторяет он.

Я засовываю руки в карманы.

– Мне можно идти?

– Пока нет. – Он пододвигается к столу и поднимает тонкую папку. То ли мне кажется, то ли его глаза поблескивают от самодовольства. – Еще пара моментов. И можешь не сомневаться, тренер Дженсен полностью со всем согласен.

У меня появляется дурное предчувствие.

– Во-первых, мы отправляем тебя во второе звено с Бродовски...

– Что? – вскидываюсь я.

О’Ши поднимает руку.

– Позволь мне закончить.

Я закрываю рот, с трудом перебарывая нарастающее раздражение. Кипящий внутри гнев перерастает в чертовски сильную ярость.

С его стороны никаких проблем не будет – как бы не так. Я всегда играл в первом звене с Логаном. Мы двое – самые лучшие защитники в команде. Неразлучная пара, если хотите. Бродовски же – третьекурсник, которому так много нужно работать над собой, что мне удивительно, как его до сих пор не выперли из команды.

– Дженсен доверил мне работать с защитой и действовать так, как я считаю нужным, – рявкает мне в ответ мой старый тренер. – Второе звено очень слабое. Келвин и Бродовски никак не могут сыграть, и им обоим пойдет на пользу встать в пару к игрокам типа тебя и Джона Логана.

– А тренер упоминал, что уже пробовал это во время предсезонной подготовки? – Я не могу не сказать об этом, да еще и не без ехидства, и О’Ши хмурится. – Я играл в паре с Келвином в матче против Сент-Энтони. Это был полный провал.

– Что ж, на этот раз ты будешь играть не с Келвином, не так ли? – так же ехидно отвечает он. – Я ставлю тебя с Бродовски. Это окончательное решение, я делаю так, как будет лучше для команды.

Чушь собачья. Он делает так, чтобы наказать меня, и мы оба это знаем.

– А второй момент?

Он моргает.

– Прошу прощения?

– Вы говорили про пару моментов. – Я изо всех сил стараюсь говорить спокойно. – Первый – это то, что вы перегруппировали звенья. А второй?

О’Ши наклоняет голову, словно пытаясь решить, не проявляю ли я вновь неуважение. Мужик понятия не имеет, как сильно мне сейчас хочется захватить его кулаком в челюсть. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы сдержаться.

О’Ши открывает папку и достает один-единственный лист бумаги. Его глаза довольно блестят, когда он передает его мне.

Я пробегаю глазами по листу. Это ксерокопия расписания тренировок и игр, но не для нашей команды.

– Что это? – бормочу я.

– Начиная с этой недели ты будешь великодушно посвящать свое свободное время «Гастингским ураганам»...

– Чему?

– «Гастингским ураганам». Это хоккейная команда начальной школы Гастингса, лига команд средних школ, седьмые и восьмые классы. В Брайаре существует социальная программа, по которой студенты-спортсмены на добровольной основе выступают тренерами или помощниками тренеров в местных спортивных командах. Студентка, которая работала с «Ураганам», – левая нападающая в женской хоккейной команде Брайара. Но она серьезно заболела, и нам нужно было заменить ее. Мы с Дженсеном решили, что ты самая лучшая кандидатура на ее место.

Я пытаюсь не выдать своего ужаса, но, похоже, мне это плохо удастся, потому что О’Ши в открытую самодовольно усмехается.

– У них две тренировки в неделю после обеда, игра – в пятницу в шесть. Я позволил себе заглянуть в твоё расписание и убедился, что оно не пересекается с расписанием «Ураганов». Так что все готово. – Он склоняет голову набок. – Если только, конечно, у тебя нет никаких возражений.

Ага, черт подери. Мне совсем не хочется проводить три дня в неделю, тренируя группу школьников. Господи, да это же мой последний год обучения в университете! У меня огромная учебная нагрузка! К тому же шесть дней в неделю я тренируюсь с собственной командой, играю свои матчи, и все это оставляет не так уж много свободного времени.

Но если я откажусь, нет сомнений, что О’Ши сделает мою жизнь невыносимой. Как он делал это в старшей школе.

– Нет, звучит заманчиво, – выдавливаю я из себя и еле удерживаюсь от того, чтобы не показать ему средний палец.

Он одобрительно кивает.

– Что ж, посмотрим. Возможно, ты и правда *изменился*. Дин Ди Лаурентис, которого я знал, думал только о себе.

Эта подначка неожиданно задевает меня. Да, порой я вел себя как эгоистичный ублюдок, но, черт подери, тогда я не сделал ничего плохого. Мы с Мирандой всегда одинаково смотрели на вещи... И вдруг все изменилось.

Но, наверное, уже неважно, кто виноват, потому что и так ясно как день, что Фрэнк О’Ши никогда не простит меня за то, что произошло между мной и его дочерью.

6

Дин

Покинув арену, я первым делом звоню своему старшему брату. Сегодня воскресенье, поэтому я набираю номер его мобильного, хотя велики шансы того, что он может быть в офисе. Ник работает допоздна, в том числе и в выходные. Мне кажется, своей одержимостью он пытается впечатлить нашего отца, и, если честно, ему это удастся.

Однако радостный голос, раздавшийся на том конце, явно не принадлежит Нику.

– Дики, привет! Мы с тобой не разговаривали уже целую вечность!

В детстве это прозвище меня никак не задевало, но теперь, когда мы стали взрослыми, оно кажется мне чертовски оскорбительным. Насколько мне известно, как только моя младшая сестра научилась выговаривать «Дин», мои родители приказали ей забыть про «Дики». Но Саммер невозможно приказывать: она сделает все с точностью до наоборот. Моя сестра – упрямая бестия.

– Почему ты отвечаешь с телефона Ника? – с подозрением спрашиваю я.

– Потому что я увидела твое имя и захотела поговорить с тобой первая. Ты мне теперь не звонишь.

Я так и представляю, как в этот самый момент она надувает губки, и мои губы растягиваются в улыбке.

– Ты тоже мне не звонишь, – напоминаю я ей.

Саммер пару секунд молчит, а затем чрезмерно тяжело вздыхает.

– Ты прав, не звоню. Я ужасная сестра.

– Да нет, просто мы с тобой оба заняты. – Я иду по брусчатой дорожке к парковке, которая находится за тренировочным центром.

– Я и правда была очень занята, – соглашается Саммер.

На заднем плане слышится громкий смешок.

– Что это? – спрашиваю я.

– Ничего, просто Ники ведет себя как последний козел, все выходные сводит меня с ума.

Он всегда был чопорным или сделался таким, став *юристом*?

Она произносит слово «юрист», словно это какое-то ругательство. Хотя для Саммер это, скорее всего, так и есть. В двенадцать лет моя сестрица заявила, что юриспруденция – это «чертовски скучно», и спустя восемь лет ее точка зрения не изменилась. Она согласилась учиться в колледже, входящем в Лигу плюща, лишь для того, чтобы умаслить родителей, но когда мы разговаривали в последний раз, Саммер сообщила мне, что после его окончания собирается заняться дизайном интерьеров.

– По сравнению с тобой все чопорные, – отвечаю я сестре. – Но это вовсе не значит, что я одобряю твои сумасбродные выходки.

Саммер младше меня на два года, но она с легкостью может перецеголять меня в том, как брать от жизни все, жить сегодняшним днем, и во всем подобном. Удивительно, как родители еще не отказались от нее.

И тут до меня доходит.

– А что ты делаешь на Манхэттене? Разве ты не должна быть в колледже?

– Мне захотелось навестить своего старшего брата.

По-моему, ее голос звучит уж как-то чересчур невинно.

– Врешь.

– Нет, это правда, – принимается убеждать меня Саммер. – Мне захотелось увидеть Ники. И *тебя* я тоже хочу увидеть, так что не удивляйся, если скоро я вдруг появлюсь у тебя на пороге. – Она замолкает. – И знаешь, я подумываю над тем, чтобы перебраться в Брайар.

В моей голове начинают звенеть сигналы тревоги.

– Зачем? Мне казалось, тебе нравилось в Брауне.

– Да, нравилось. Но... э-э-э... тут такое дело. – Саммер снова тяжело вздыхает. – Я на испытательном сроке.

Я резко останавливаюсь и сердито спрашиваю:

– Что ты натворила?

– С чего ты взял, что я что-то натворила? – Снова раздается фыркание.

– Изображай маленькую мисс невинность перед родителями. – Я усмехаюсь. – Хотя на них это уже тоже не действует. А теперь рассказывай, что случилось.

– Скажем так, это был небольшой инцидент в сестринском доме. В тогах.

Я давлюсь от смеха.

– А поподробнее?

– Нет.

Из меня вырывается стон раздражения.

– Саммер...

– Я все расскажу тебе при встрече, – щебечет она. – С тобой хочет поговорить Ники.

– Саммер...

Но она уже отдала телефон моему брату, и спустя секунду из динамика звучит его глубокий голос.

– Привет.

– Что она натворила? – спрашиваю я его.

Ник начинает хохотать.

– О нет, я не буду ничего говорить. Скажу лишь одно – Саммер в своем репертуаре.

Проклятье. Я больше не уверен, что мне хочется узнать все подробности.

– Мама с папой в курсе?

– Ага. Они не в восторге, но, во всяком случае, ее не отчислили. Лишь два месяца условного наказания и двадцать часов общественных работ.

Последние слова немного отвлекают меня от проблем Саммер.

– Кстати, про общественные работы... – И я вкратце рассказываю ему о назначении О'Ши в Брайар.

– Вот дерьмо, – говорит Ник, когда мой рассказ окончен. – Он упоминал о Миранде?

– Нет, но и так очевидно, что он по-прежнему винит во всем произошедшем меня. – От горечи обиды горло словно сжимают тисками. – Часть меня так и подмывает найти ее и хоть немного образумить, а может, даже попросить поговорить с отцом.

– Она не стала делать этого тогда, – напоминает мне Ник, – так почему ты думаешь, что она сделает это сейчас?

Резонно.

– Знаю, но... – Я подхожу к машине и открываю дверь, нажав на брелок. Все еще на взводе от неожиданного появления О'Ши в моей жизни, я хочу лишь одного – поскорее убраться отсюда ко всем чертям.

– Да и ладно, – мрачно говорю я. – Наверное, и правда глупо думать, что Миранда захотела бы помочь мне. Я же монстр, разбивший ей сердце, помнишь?

– Хочешь совет? Постарайся не лезть на рожон. Ходи на тренировки, делай все, что говорит О'Ши, и не ввязывайся в перепалки с ним. Весна наступит так быстро, что и не заметишь. Ты окончишь университет и больше никогда не увидишь этого сукиного сына.

– Ты прав, – соглашаюсь я, – было бы из-за чего переживать. Я скоро уеду отсюда.

– Вот-вот. Но дай мне знать, если он будет доставлять тебе неприятности, ладно? Я найду хорошую причину, чтобы затаскать его по судам.

Я усмехаюсь.

– Ты же не занимаешься гражданским правом?

– Для тебя, мой младший братец, я сделаю исключение.

Когда мы заканчиваем разговор, мое настроение заметно улучшается. Мои друзья любят дразнить меня, называя мажором из Коннектикута. Уверен, они думают, что мои родители – снобы, брат и сестра – избалованные богатенькие детки, но на самом деле у меня просто замечательная семья.

Мои родители – весьма влиятельные адвокаты, но вряд ли возможно встретить более приземленных людей, чем они. Конечно, я, мой брат и сестра росли в достатке и имели блага, о которых многие могут только мечтать. У нас были няня и домоправительница. Мы учились в частных школах и каждую неделю получали приличную сумму на карманные расходы. Но чтобы увидеть хотя бы десять центов из этой суммы, нам необходимо было сделать всю работу по дому и закончить домашние задания. Стоило нашим оценкам упасть, нас тут же сажали под домашний арест. А если мы пытались выпросить себе что-нибудь лишь по причине того, что наша семья состоятельна, нас за это наказывали. Когда я потребовал у отца денег (единственный раз в жизни), он пожертвовал весь мой фонд колледжу – для детей из неблагополучных семей. А потом на все лето устроил меня клерком в свою фирму, чтобы я заработал деньги и вернул их обратно.

– Что хотел тренер? – спрашивает Гаррет, когда спустя пятнадцать минут я вхожу в гостиную.

– Познакомить меня с нашим новым тренером по работе с защитниками. – Я плюхаюсь в кресло и бросаю взгляд на экран. Джи и Логан играют друг против друга в Ice Pro, и, судя по счету, Логану надирают задницу.

– У нас новый тренер по работе с защитниками? – Логан тут же ставит игру на паузу. – И почему тебя захотели представить ему отдельно от всех?

Я осторожно подбираю слова.

– Его зовут Фрэнк О’Ши. Он был моим тренером в старшей школе, поэтому Дженсен решил, что мы захотим поболтать, прежде чем официально представлять О’Ши всей команде.

Логан хмурится.

– Ясно. Но почему он появился только сейчас? Сезон уже начался. Как-то странно принимать тренера по работе с защитниками, когда мы уже отыграли первый матч.

– И проиграли, – бормочет Гаррет.

– Но все-таки один матч уже сыгран, – продолжает Логан. – Непохоже, что мы в такой уж плохой форме и нам требуется новый тренер, который все на фиг изменит. Такое ощущение, что тренер Дженсен запаниковал. – По-прежнему хмурясь, он снова поворачивается ко мне. – И что этот новый из себя представляет? Хороший мужик?

Дьявол во плоти.

– Нормальный мужик, – вру я и тут же меняю тему. – А где Так?

– Не знаем. Мне кажется, вчера он даже не ночевал дома. – Логан снимает игру с паузы, и все его внимание вновь сосредоточено на экране.

Я морщу лоб. Ночь с пятницы на субботу Такер тоже провел вне дома. Интересно, может, у него появилась новая девушка? Потому что он не имеет привычку не ночевать дома две ночи подряд.

Так как мои друзья снова поглощены видеоигрой, я поднимаюсь наверх и заставляю себя сесть за чтение лекции по предмету, в котором немного отстал. Остаток дня провожу то за чтением, то в дреме и спускаюсь вниз только вечером, лишь для того, чтобы стащить несколько кусков пиццы, которую заказали Гаррет и Логан. Не знаю, почему, но мне не хочется ни с кем

общаться. Может, оттого что я по-прежнему раздражен из-за О'Ши, перешедшего в Брайар. А может, потому, что каждый раз, закрывая глаза, чтобы вздремнуть, я видел сексуальный ротик Элли, сомкнувшийся вокруг моего члена, плавные изгибы ее золотистого тела, вжавшегося в меня, ее грудь в моих ладонях.

Почему я не могу выбросить эту девчонку из головы? Да, секс был феноменальным. Да, она привлекательная. Но феноменальный секс и привлекательные девушки не редкость в моей жизни.

«Забудь о ней», – мысленно приказываю я своему члену, когда он снова твердеет при мысли об Элли.

В ответ он дергается, дразнит меня.

– Черт побери, – рычу я, шарю по кровати в поисках телефона, а затем набираю номер, по которому звонил прошлым вечером.

Элли берет трубку после четырех гудков, из динамика льется ее настороженный голос.

– Привет. Что случилось?

Я тяжело вздыхаю.

– Я хочу трахнуть тебя еще раз.

– У тебя теперь такой бзик? Будешь звонить мне каждый вечер и говорить это?

– Может быть. – Дерьмо. Я зол, хочу секса и в таком же замешательстве, как и Элли. – Скажи «да», куколка. Соглашайся и избавь наконец меня от мучений!

– Я уже говорила тебе: это произошло лишь раз и больше не повторится. Ни к чему не обязывающий секс – это не мое. Да, мы получили от этого удовольствие, но... черт, мне пора идти. Позвони одной из ваших хоккейных заек. Уверена, она сможет позаботиться о тебе.

И второй раз за два дня она бросает трубку.

* * *

Элли

– Кто это был?

Я чуть не подпрыгиваю на полметра, когда раздается голос Ханны. Я прервала звонок, как только услышала ее шаги в коридоре, но совсем не ожидала, что она появится так быстро.

– А, да никто. – Гениальный ответ.

Ханна выгибает темную бровь.

– Никто?

– Продажи по телефону, – придумываю я на лету. – А значит, никто.

Ханна подходит к моей кровати, бурча в раздражении.

– И как им удастся получить наши номера? Когда я подписывала договор со своим оператором связи, там был целый пункт о том, что в соответствии с политикой их компании они ни за что и никогда не передадут мой номер третьим лицам. Только чушь все это. Знаешь, почему? Потому что каждый день мне звонят из авиакомпаний, магазинов одежды и прочих мест и рассказывают, какие у них потрясающие скидки, или объявляют о каком-то липовом выигрыше. Хочешь, скажу, какой звонок был самым худшим? Идиотская промоакция поездки на круизном лайнере, которая начиналась со звуков сирены! *Кошмар* какой-то.

Тирады Ханны обычно затягиваются на несколько минут, и я благодарю Бога за это, потому что она будет сильно накручена, чтобы раскусить мою ложь. Ее так захватила эта гневная речь, что она не замечает, как я тайком читаю вспыхнувшее на экране телефона сообщение.

Дин: Тебе пора перестать бросать трубку.

Я отвечаю: А тебе пора перестать предлагать мне секс. Знаю, что хороша в постели, но выбрось уже это из головы.

Он: Не могу. Поверь, я пытался.

Я: Плохо пытался.

Он: Давай же, куколка. Всего один раз. Только представь, как нам будет хорошо...

Конечно, нам будет хорошо: он – чемпион в сексе, но это не изменит того, что просто секс меня не привлекает.

Я: Отстань. Я учу текст роли с Ханной.

Он: Напиши мне, когда закончишь, и я прокрадусь в твою комнату.

Уэллси даже не узнает, что я там.

Пронзительное желание появляется между ног. Меня неожиданно возбудила мысль о том, что Дин тайком проник ко мне и мы трахаемся, пока ничего не ведающая Ханна спит в соседней комнате.

Я стараюсь не обращать внимания на невольный отклик моего тела и печатаю: *Спокойной ночи, Дин.*

Затем поворачиваюсь к Ханне.

– Мы закончили ругать телепродажи? Детка, этот сценарий сам себя не прочитает.

– Прости. Ничего не могу с собой поделать: как слышу «продажи по телефону» – сразу прихожу в ярость. – Ханна сидит, скрестив ноги, посередине моей кровати и ловит сценарий, который я бросаю ей.

Я остаюсь стоять. В первой сцене моя героиня расхаживает взад-вперед, и мне хочется прочувствовать, как эта ходьба повлияет на мое владение дыханием.

Ханна листает первые страницы.

– Ладно, начинаем. Кем я буду, Джанет или Кэролайн?

– Кэролайн. У нее две определяющие черты характера – мелочность и равнодушие.

Моя лучшая подруга широко улыбается.

– Значит, мне выпала роль стервы? Отлично.

Если честно, мне хотелось бы, чтобы стерву играла я. Моя героиня – молодая вдова, потерявшая мужа в Афганистане, и это более тяжелая в эмоциональном плане роль. Из-за разрыва с Шоном мои эмоции и так на грани истощения, и я боюсь, что не смогу сыграть правдиво и достойно.

Как оказывается, мой страх оправдан. Мы только на пятой странице, а я уже чувствую себя словно выжатый лимон и объявляю короткий перерыв.

– Ух ты, – говорит Ханна, пробегая глазами несколько следующих сцен, – а пьеса довольно напряженная. Зрители будут постоянно рыдать в голос.

Я падаю на кровать рядом с ней и потягиваюсь.

– Это я буду постоянно рыдать в голос. – В буквальном смысле, потому что моя героиня льет слезы в каждой второй сцене.

Ханна откидывается назад, упираясь локтями в матрас, и между нами воцаряется комфортное молчание. Мне оно нравится, потому что такое бывает редко. Взять хотя бы Меган и Стеллу, которых я считаю близкими подругами: когда мы вместе, кто-то из нас обязательно старается заполнить тишину разговорами. Думаю, необходим определенный уровень доверия, чтобы вот так сидеть рядом с кем-то и не испытывать навязчивого желания болтать.

Как-то раз мой папа сказал мне, что то, как реагирует человек на молчание, может многое о нем рассказать. Я всегда считала, что он молот чепуху, потому как у отца есть привычка сыпать глубокомысленными изречениями и настаивать на их мудрости, хотя половина из них – полный бред.

Но сейчас я понимаю, что тогда он был прав. Думая о тишине, которую поделила с другими своими друзьями, я понимаю, насколько она была говорящей.

Мег заполняет тишину шутками, старается изо всех сил всех насмешить. Сколько я ее знаю, она всегда обращается к юмору, стоит ситуации стать достаточно серьезной.

Стелла же забрасывает тебя вопросами о твоей жизни. Сколько я ее знаю, она при любой возможности будет избегать разговоров о собственной персоне. Думаю, поэтому меня немало удивило, когда она стала встречаться с Джастином Коулом, футболистом, по которому сохла Ханна, пока не влюбилась в Гаррета. Стелла не раз открыто признавалась, что близость ее пугает.

Вспомнив про Джастина, я поворачиваюсь к Ханне.

– Слушай, а Гаррет когда-нибудь признавался, что ошибся по поводу Джастина?

Она морщит лоб.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

Я улыбаюсь.

– Прости. Просто я только что думала о Стелле, и мне вспомнилось, как Гаррет был убежден в том, что у Джастина дурные намерения, и называл его мерзавцем.

– Было дело. – Ханна, смеясь, садится. – Вообще-то, совсем недавно мы как раз говорили об этом. Я сказала ему, что он ревновал меня к Джастину на уровне подсознания.

– Ха, готова поспорить, он был *в восторге*.

– Это единственное логическое объяснение. Такие хорошие парни, как Джастин, редко встречаются. Но Гаррет настаивает на том, что просто ошибся в нем.

– Что ж, в любом случае я рада, что Джастин оказался из числа хороших парней. Стелла заслуживает счастья. – Я замечаю меланхолические нотки в своем голосе и надеюсь, что Ханна не обратила на них внимания.

Как бы не так.

– Ты тоже заслуживаешь счастья. Ты ведь это знаешь, да?

– Знаю. – Я сглатываю внезапно вставший в горле ком.

В зеленых глазах Ханны загорается огонек сомнения.

– Элли... а ты жалеешь о том, что рассталась с Шоном?

Ком в горле становится еще больше. Невозможно дышать, особенно когда мне вспоминается мучительная боль в голосе Шона, когда он спрашивал меня, с кем именно я переспала.

– Нет, – наконец отвечаю я. – Я знаю, это было правильное решение. Мы совершенно поразному видели наше будущее и никак не могли найти компромисс, не обидев один другого.

Ханна кажется печальной.

– Как думаешь, ты уже готова снова с кем-то встречаться?

Я судорожно вздыхаю.

– Нет еще.

Боже, но мне так *хотелось бы* отвлечься. Я устала грустить, думать о том, как там Шон, и бороться с желанием позвонить ему. Может, я и не хочу снова сходить с ним, но мне плохо, оттого что я обидела дорогого мне человека. У меня есть ужасная черта: желать, чтобы все вокруг были довольны и счастливы, даже если ради этого мне придется пожертвовать собственным счастьем. Мой папа утверждает, что это замечательное качество, но иногда мне хочется быть хотя бы немного эгоистичнее.

Наверное, в пятницу я как раз повела себя эгоистично. Секс с Дином случился потому, что мне необходимо было удовлетворить свои природные желания, и какой бы виноватой я себя ни чувствовала после него, как бы стыдно мне ни было, невозможно отрицать, что он чертовски меня устроил.

Да уж, возможно, Дин прав, что нам *стоит* заняться сексом снова.

– Может, мне стоит закрутить легкий роман, – говорю я вслух, просто чтобы оценить эту мысль.

Ханна отвечает быстро и резко.

– Ты уже пробовала это, помнишь? После ваших первых с Шоном расставаний. Тебе не понравилось.

Это правда. Мне совсем не понравилось.

– Но я ни с кем из них не спала, – напоминаю я ей. – Просто сходила на несколько паршивых свиданий и поцеловалась с парочкой придурков. Может, это и было моей ошибкой – что я *ходила на свидания*. Возможно, сейчас мне нужно выбрать горячего парня и просто трахаться с ним в свое удовольствие. Только секс, никаких ожиданий.

Ханна фыркает.

– Удачи тебе. Мы обе знаем, что ты не можешь целоваться с парнем и не думать о серьезных отношениях с ним.

Тоже правда.

Да зачем я вообще начала думать об этом? Если Ханна так отвечает мне, когда мы говорим о гипотетическом сексе без серьезных отношений, могу лишь представить, что она скажет, признайся я в том, что рассматриваю на эту роль *Дина*. Этот парень – исключительный бабник. Он совершенно не подходит для серьезных отношений, к тому же я сомневаюсь, что он согласился бы просто на интрижку. Невозможно представить, что он будет только со мной, – иначе ни о какой интрижке не может идти и речи: я ни за что не буду иметь дело с тем, кто спит с кем-то еще.

Так... надо отказываться от этой идеи с Дином, пока она еще в самом зародыше. Не знаю, почему ему так сильно хочется снова прыгнуть со мной в постель, но уверена, что рано или поздно он перестанет об этом думать. У этого парня концентрация внимания как у фруктовой мушки, а привычка делиться своей привязанностью как у щенка: готов предложить свою преданность всем, у кого есть угощение, то есть вагина.

Очнувшись от размышлений, я меняю тему разговора.

– Эй, что будешь делать на День благодарения?

– Мы с Гарретом поедem к моим тете и дяде в Филадельфию. Родители тоже туда прилетят.

– Круто.

– А ты поедешь в Бруклин?

Я киваю. Каждый праздник я провожу в Бруклине, со своим отцом, и мне каждый раз не терпится снова увидеть его, но в этом году я немного беспокоюсь: последний раз, когда мы разговаривали, он настаивал, что хочет сам приготовить праздничный ужин.

Раньше я бы только поддержала его, потому что папа – лучший в мире повар. Но пять лет назад ему диагностировали рассеянный склероз, и с тех пор я стараюсь сделать все, чтобы он не перетруждался. Мне пришлось отклонить приглашение бесплатного обучения в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, только чтобы быть в нескольких часах езды от него. Отец упрямо твердит, что ему не нужна помощь и что он вполне справляется самостоятельно, но мне было бы тяжело переехать в противоположный конец страны, тем более что периоды ремиссии стали немногочисленными и редкими.

Теперь я все больше радуюсь тому, что осталась на восточном побережье, потому что за прошедший год папино состояние сильно ухудшилось.

Как и большинству людей, страдающих этой болезнью, сначала отцу диагностировали рецидивирующе-ремиттирующий рассеянный склероз, но сейчас он перешел во вторично прогрессирующий, то есть обострения стали более частыми и сильными, чем раньше. Когда я приехала к нему этим летом, то была шокирована произошедшими в нем изменениями. Внезапно ему стало тяжело ходить, тогда как раньше папа лишь иногда терял равновесие и ощущал лег-

кое онемение в конечностях. Пока я гостила у него, с ним случилось два приступа вестибулярного головокружения, и мне пришлось надавить на него, чтобы он признался, что боль стала сильнее и временами у него бывают проблемы со зрением.

Все это очень пугает меня. Я уже потеряла в тринадцать маму из-за рака. Кроме папы, у меня никого нет. Я отказываюсь потерять и его, пусть даже мне придется цепями приковывать его к креслу в нашем доме в Бруклине и силой заставлять смотреть футбол, а самой готовить ужин.

– Ладно, перерыв окончен. – Мне снова нужно отвлечься от своих мрачных мыслей. Простонав, я сажусь на кровати и открываю сценарий на том месте, где мы остановились. – Кэрролайн собирается опять накричать на Джанет.

Ханна заправляет за ухо прядь темных волос.

– Кстати, если бы ты вдруг потеряла своего мужа, я ни за что не стала бы называть тебя плаксой и призывать оставить все в прошлом. – Ее лицо становится серьезным. – Другими словами, ты можешь хандрить из-за Шона столько, сколько тебе нужно. Обещаю: я не стану осуждать тебя.

Горло сдавливает от нахлынувших эмоций, но я умудряюсь выдать из себя:

– Спасибо.

7

Дин

Несмотря на слова о том, что прошлое осталось в прошлом, совершенно очевидно, что мой бывший тренер делает все, чтобы испортить мне жизнь. Первая тренировка с нашим новым тренером по защите длится на час больше – но только для защитников. Пока все остальные игроки идут в раздевалку, чтобы принять душ, переодеться и отправиться по домам, О’Ши приказывает защитникам остаться на льду для дополнительных упражнений, объявив, что он в жизни не видел более жалких хоккеистов, чем мы.

Когда он наконец отпускает нас, мы с товарищами по команде покидаем лед, матерясь и ворча всю дорогу. Мы насквозь промокли от пота, от шлемов идет пар, когда мы в отвратительном настроении начинаем снимать форму в уже опустевшей раздевалке.

– Нормальный мужик, говоришь? – язвительно спрашивает Логан, припомнив характеристику, которую я дал вчера О’Ши.

– Он просто показывал нам, что его член больше наших, – бубню я в ответ. – Наверное, так он хочет заставить нас уважать его.

На самом деле так он наказывает меня за то, что я обидел его дочь, но столь утешительную деталь я оставляю при себе. И не потому, что О’Ши велел мне не обсуждать эту историю с моими товарищами по команде, а потому, что мне не хочется вспоминать все то дерьмо, что произошло между мной и Мирандой.

По иронии судьбы наши отношения с Мирандой О’Ши повлияли не только на мою школьную жизнь, но и на жизнь в колледже. Из-за нее я сейчас четко оговариваю свои намерения – вернее, отсутствие таковых – перед тем, как переспать с девушкой. Честно говоря, тогда я тоже перед ней объяснился, но, видимо, недостаточно однозначно. Теперь я стараюсь сделать все, чтобы женщина понимала, кто мы друг для друга, прежде чем в ее голове начнут рождаться фантазии о нашей счастливой совместной жизни.

– Есть планы на ужин? – спрашивает меня Логан, когда мы входим в душевую. – Грейс захватит китайской еды из города и приедет к нам. Думаю, она купит столько, что хватит на всех.

– Спасибо за приглашение, но я собираюсь выпить с Максвеллом. Не знаю, когда вернусь домой.

Мы расходимся по отдельным душевым кабинкам, и на этом разговор заканчивается. Я только успел намылить яйца, как Логан уже выключил воду. Да, друг принимает душ так быстро, словно кто-то предложил ему миллион баксов за то, что он помоеется меньше чем за тридцать секунд.

– Еще увидимся, – кричит он мне, оборачивая вокруг себя полотенце, и выходит из душевой.

Я понимаю, что ему очень хочется увидеть Грейс, и почему-то от этой мысли как-то странно щемит в груди. Нельзя сказать, что это ревность. Это и не возмущение. Разочарование, может быть?

Я все понимаю. Мои лучшие друзья по уши влюблены. Они предпочитают обниматься и целоваться со своими девушками, а не зависать с парнями, но это не злит меня, ни капельки. Просто у меня ощущение, что нашей дружбе приходит конец.

После окончания Гарварда мой старший брат утратил связь со всеми студенческими друзьями. Товарищи по команде, за которых он раньше был готов отдать жизнь? Теперь они даже

не разговаривают. Друзья по юридической школе? Обмениваются электронными письмами максимум раз в месяц.

Я понимаю, что по окончании колледжа друзья расходятся по разным путям: кто-то женится, кто-то переезжает, появляются новые друзья, другие интересы. Но мне ненавистна даже мысль о том, что в моей жизни не будет Гаррета, Логана или Така, а также та циничная часть меня, которая постоянно напоминает о неизбежности этого конца.

В следующем году я буду учиться в юридической школе. У меня не будет времени даже на сон, не говоря уже о том, чтобы видиться с друзьями. Гаррет с большой долей вероятности переедет в другой город, чтобы играть в НХЛ. Логан – тоже, если у него получится с «Провиденс Брюинз», фармклубом, который уже заявил о своем интересе подписать с ним контракт после окончания колледжа. Это лишь вопрос времени, когда он перейдет в высшую лигу и тоже переедет. И кто знает, чем собирается заняться после выпуска Такер? Может быть, вернется в Техас.

Блин, с чего это я начал так философствовать? Может, потому, что уже целых три дня не занимался сексом? Увы, для меня это большой срок, и моим яичкам это совсем не нравится. Конечно же, я виню во всем Элли.

– Дин!

Знакомый голос окликает меня, когда я выхожу из хоккейного корпуса. Навстречу мне вышагивает Келли, и выглядит она так, будто только что сошла со страниц каталога модной одежды. Вокруг шеи намотан плотный красный шарф, на ногах коричневые кожаные сапоги, и завершает образ длинное серое пальто-бушлат. Ее светлые волосы собраны в небрежный пучок, выбившиеся длинные пряди обрамляют лицо.

Она чертовски сексуальная, но, если честно, с тех пор как я переспал с Элли, я не вспоминал ни про Келли, ни про Мишель. И я не чувствую себя виноватым из-за того, что не писал и не звонил ей, да и сама Келли ничего не говорит по этому поводу, а просто раскрывает теплые объятия. Как я уже говорил, цыпочки прекрасно знают, кто мы друг для друга. И что самое смешное, когда Келли и Мишель подошли ко мне в «Малоун», я не успел и рта открыть, как именно они заговорили про секс без обязательств. Они прямым текстом заявили мне, что все, что им нужно от меня, – это мой член, а я был только рад им подчиниться.

– Как прошли выходные? – спрашивает Келли.

Я пожимаю плечами.

– Могли быть и получше. – Если бы кое-кто перестал меня обламывать.

– Ах как печально. – Она улыбается. – Но у меня есть кое-что, что может поднять тебе настроение. Ко мне приехала моя сестра. Я рассказала про тебя, и теперь ей не терпится с тобой познакомиться. Она остановилась у нас с Мишель...

Невозможно как-то иначе истолковать это приглашение.

– О, ну что ж... – Я даже не знаю, что на это ответить.

– А я сказала, что она мой близнец?

Офигеть!

– К тому же Мишель так грустит... – Келли подмигивает мне. – Говорят, что три – это магическое число, но, по-моему, четыре еще лучше.

Я жду, когда отреагирует мой член. Черт, я *приказываю* ему отреагировать. Привстать или дернуться, вызывать покалывание в яичках. *Хоть как-нибудь*, мать вашу! Но южнее экватора ничего не происходит. Мой орган как будто только что перестал функционировать.

«Давай, Дин-младший, помоги мне, – мысленно умоляю я. – Мы тут говорим о сексе вчетвером».

Никакой реакции. Похоже, Дин-младший не собирается подчиняться до тех пор, пока не получит то, чего хочет. И, к сожалению, хочет он не Келли, Мишель и сестру-близняшку Келли.

Он хочет Элли Хейз.

– Звучит... супер. Правда. Но я вынужден отказаться. Сегодня я выпиваю с приятелем, – с сожалением сообщаю я Келли.

– Я его знаю?

– Может быть. Это Бо Максвелл. Он...

– Квотербек нашей футбольной команды, – заканчивает она. В ее глазах загорается похотливый огонек. – Пригласи и его. Впятером может быть даже еще веселее, чем четвером.

О Господи Иисусе.

Я хочу ощутить возбуждение. Я *молюсь* об этом. Но Дин-младший остается безучастным к моим мольбам.

Чувство бессилия овладевает мной, и, пробормотав очередное извинение и пообещав Келли принять ее предложение в следующий раз, я сердито шагаю к машине, всю дорогу проклиная свой член.

* * *

Спустя двадцать минут я усаживаюсь за самый дальний столик в «Малоун».

– Прости, что опоздал, – говорю я Бо. – Тренировка растянулась на лишний час.

Стартовый квотербек Брайара пожимает своими огромными плечами.

– Не парься. Я сам приехал пару минут назад. – К моему облегчению, стоящий перед ним стакан с темным элем и правда почти полный.

Я снимаю куртку и бросаю ее на сиденье рядом с собой. Тут же к нам подходит симпатичная брюнетка, чтобы принять у меня заказ.

– Ну что, как дела? – спрашивает Бо, когда она уходит. – Мы не виделись с экзаменов в середине семестра.

– Знаю, мужик. Но у нас напряженный график тренировок. Мы проиграли во всех матчах в межсезонье, и тренер Дженсен в ярости.

– Блин, я слышал. Делюка тоже в ярости, – рассказывает Бо про своего главного тренера. – У нас нет ни единого шанса выйти в плей-офф. Черт, да я буду страшно удивлен, если мы будем играть в матче за кубок. – Никогда не видел его таким мрачным, и мне вряд ли удастся хоть слегка его утешить.

На счету нашей футбольной команды уже три поражения. Одно или два – они, возможно, еще как-нибудь смогли бы обрести прежнюю форму. Но три – это значительно подрывает их шансы высоко подняться в этом сезоне.

Голубые глаза Бо темнеют, когда он делает большой глоток пива и опустошает почти половину пинты. Я чувствую, как он подавлен. Знаю, что такое быть игроком высокого уровня в низкосортной команде. К счастью, хоккейный сезон только начался, и межсезонные матчи никак не влияют на турнирное положение команды, но наша слабая игра и корявые тренировки сулят мало хорошего в новом сезоне.

С другой стороны, мы три раза становились национальными чемпионами, так что я не стану плакать в подушку, если в этом году наша команда не попадет в плей-офф. Черт, может, просто пришло время для плохого сезона и хоккейные боги решили немного уравнять нас с другими.

Но у Бо совершенно другая ситуация. В Брайар его забрали прямиком из старшей школы, и на первом курсе он сразил всех наповал своей игрой. Тренеры даже посадили на скамейку запасных квотербека-старшекурсника, а Бо включили в стартовый состав. Весь сезон они были непобедимы, он привел свою команду к матчу за звание чемпиона. И хотя они проиграли тогда, то, что после десятилетнего перерыва команда Брайар попала в плей-офф, уже стало большим достижением.

На следующий год все пошло коту под хвост. Почти все ведущие игроки команды либо окончили колледж, либо бросили учебу ради драфта, и Бо остался один, со слабой линией нападения и еще более слабой линией ресиверов. С тех пор команда проигрывает раз за разом, что само по себе вызывает уныние, но особенно это тяжело для Бо, который является невероятно талантливым квотербеком. К несчастью для него, он не обладает никаким оружием, чтобы выиграть.

– На втором курсе у тебя была возможность перевестись, – напоминаю я ему. – Чуваки из университета Луизианы готовы были сосать твой член, только бы заманить тебя к себе.

Бо сердито хмурится.

– И что, бросить свою команду? Что за козел может так поступить?

«Козел, который хочет играть в НФЛ» – хочется ответить мне, но я прикусываю язык. Из-за последних выступлений нашей футбольной команды шансы Бо быть выбранным на драфте под высоким номером – да и вообще быть выбранным – становятся все ничтожнее. Но его преданность Брайару достойна восхищения. Это точно говорит о его характере.

– Меняем тему, – велит Бо. – Прямо сейчас, пока я не начал рыдать в свой «Сэм Адамс».

И как по команде с моим «Курз Лайт» к нам возвращается официантка. Я попросил принести мне бутылку, а не стакан, и она устраивает целое шоу, пока открывает крышку и протягивает мне бутылку с длинным горлышком, нагибаясь так низко, чтобы мне была хорошо видна ложбинка между ее грудей.

– Мальчики, дайте мне знать, если вам понадобится что-нибудь еще, – воркует она. – Я тут рядом.

Мы с Бо разглядываем ее задницу, когда она разворачивается, чтобы уйти. Не вижу в этом ничего такого, потому что девица потряхивает округлой попкой и виляет бедрами, что выглядит как приглашение. Ее короткая черная юбка напоминает мне о другой отличной заднице, которую я видел в прошлые выходные и с которой Бо, несмотря на мои многочисленные предупреждения, тоже хорошо знаком.

– Видел здесь Сабрину в пятницу, – говорю я ему.

Он отводит взгляд от официантки.

– Да?

Я киваю.

– Вы еще встречаетесь? – И под словом «встречаетесь» я имею в виду ни к чему не обязывающий секс, потому что мы с Бо одного поля ягоды. Он тоже не сторонник серьезных отношений.

– Нет, все закончилось, – признается он. – Она очень занята.

– И чем это она занята? – Насколько мне известно, у Сабрины даже нет работы.

– Понятия не имею. Она живет в Бостоне, так что, думаю, это как-то связано с поездками туда и обратно. Дошло до того, что мы стали встречаться раз, отсылы два раза в месяц. А на уик-энды она вообще исчезает, просто как... *Пуф!* – и пропала. – Бо пожимает плечами.

– Сначала я думал, что Сабрина строит из себя недотрогу, но теперь склонен думать, что она ведет двойную жизнь. – Он умолкает. – Как думаешь, может, она агент ЦРУ?

Я начинаю анализировать.

– Нет совести, черное сердце... да, пожалуй, все сходится.

Бо усмехается.

– Ой, отцепись ты уже от нее. Она классная девчонка, хоть ее и невозможно разгадать.

– Если под классной девчонкой ты понимаешь критичную суку, то да. – Теперь настала моя очередь менять тему нашей беседы. – Слушай, на прошлой неделе к нам забежал Джастин, и он сказал, что в команде появился первокурсник, принимающий, и что он может кое-чего добиться.

Бо кивает.

– Джонсон. Быстрый, но есть проблемы с удерживанием мяча.

Следующие минут десять мы снова разговариваем о своих командах. Я – хоккеист, Бо – мистер футболист, но мне нравится американский футбол, а ему – хоккей, так что наш разговор плавно переходит от одного вида спорта к другому и обратно. И когда мы заказываем пиво по второму кругу и наша беседа возвращается к теме девушек, я с мрачным видом рассказываю Бо о предложении Келли.

– Какого хрена, мужик? Ты отказался от оргии? Оргии, на которую пригласили и меня? – Он качает головой. – У тебя начинается грипп или что?

Я провожу пальцами по длинному горлышку бутылки.

– Нет, просто настроения не было.

– У тебя не было настроения для оргии с сестрами-близняшками?! – Бо своим ушам не верит. – Кто ты, черт подери, такой и что ты сделал с моим другом Дином?

Я издаю стон.

– Не знаю. Я в полном ауте, чувак. Недавно я кое с кем переспал и теперь никак не могу выкинуть ее из головы.

– Ты прикалываешься.

– Нет. Такова ужасная правда.

Бо продолжает изумленно смотреть на меня.

– Думаешь, мне это нравится? – защищаясь, спрашиваю я. – Поверь, мне совершенно не нужна эта головная боль. – Я делаю хороший глоток пива. – Эй, знаешь «Сумерки»?

Он моргает.

– Прости, что?

– Ну, «Сумерки». Книжка про вампиров.

Бо настороженно всматривается в мое лицо.

– И что дальше?

– Знаешь, у Беллы какая-то суперособенная кровь, и поэтому у Эдварда всегда вставал, стоило ему оказаться рядом с ней.

– Ты сейчас издеваешься надо мной?

Я не обращаю никакого внимания на высказывание Бо.

– Как думаешь, такое может быть в реальной жизни? Типа феромоны и подобная им ерунда. Это всего лишь бредовая теория, которую выдумал один озабоченный чел, чтобы оправдать свое влечение к собственной матери, или просто дерьмо? Возможно, реально существуют биологические причины, из-за которых нас тянет к определенным людям? Как в гребанных «Сумерках». Эдвард ведь хочет ее на биологическом уровне, правильно?

– Ты сейчас всерьез анализируешь «Сумерки»?

Боже, именно это я и делаю. Вот до чего довела меня Элли. Жалкий неудачник, который пришел в бар и заставляет своего друга вступить в книжный клуб «Сумерек».

– Даже не знаю, то ли поржать над тобой, то ли отправить тебя к психиатру, – мрачно говорит Бо. – Мне еще не доводилось встречать парня, который действительно читал эту книгу.

– Я ее не читал. Просто моя сестра была одержима этой серией. Она ходила за мной по пятам и рассказывала, что к чему, хотя и против моей воли.

– Ага, конечно. Во всем виновата твоя сестра. – Бо смеется, но тут же снова становится серьезным. – Ладно, значит, ты помешался на этой девчонке. Тогда почему не трахнешь ее снова?

– Потому что она не хочет, – стиснув зубы, отвечаю я.

– Это невозможно. Все этого хотят.

– Знаю. – Я поднимаю бутылку к губам. – Так что мне делать?

Бо в ответ лишь пожимает плечами.

– Выбрось ее из головы. Развлекись с другой.

На ум приходят только цитаты из «Мира Уэйна»⁷, потому что мы с Такером посмотрели этот фильм буквально на прошлой неделе, когда его показывали по телику.

– Отлично. – Я ухмыляюсь и добавляю: – «Слушай, если у меня *вообще* нет оружия, зачем мне полочка для ружей?»

И следующую фразу мы цитируем хором:

– «Для чего мне полочка для ружей?»

Тут мы начинаем ржать и даем друг другу пять, но потом Бо снова возвращается к обсуждаемому вопросу.

– А теперь серьезно. – Он обводит рукой бар. – Здесь полно женщин, готовых продать своего первенца за то, чтобы уйти домой с тобой. Выбери одну и переспи с ней – может быть, так избавишься от той, что засела у тебя в голове.

– Мой член мне не позволит, – бурчу я.

Бо чуть не давится от смеха.

– Повтори, пожалуйста.

– Мой член стал очень упрямым, – с раздражением объясняю я. – Вчера вечером я пытался подрочить под порнушку, но, клянусь чем угодно, проклятый хрен так и не встал. Но стоило мне подумать об Эл... о той девчонке, – поправляю я сам себя, потому что пообещал Элли, что никому не расскажу о нас, – и *бац!* – я щелкаю пальцами, – он твердый как камень.

Бо задумчиво разглядывает меня.

– Знаешь, мне кажется, здесь проблема не в волшебной крови Беллы.

– Нет?

– Нет. По-моему, ты запечатлелся с киской этой девчонки.

Позади меня раздается сдавленный кашель, и, когда я оборачиваюсь, вижу проходящую мимо нашу официантку. Щеки у нее покраснелись, губы подергиваются, как будто она пытается сдержать смех.

Я поворачиваюсь обратно к Бо.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты столкнулся с проблемой Джейкоба. Ты впечатлился ее киской, и теперь это единственное, о чем ты можешь думать. Ты существуешь только ради *этой самой* киски. Все как у Джейкоба и того жуткого ребенка-мутанта.

– Ну ты и сволочь! Ты прочитал все книги!

– Нет, – протестует Бо и виновато улыбается. – Я смотрел все фильмы.

Я решаю оставить колкие шутки на потом, потому что сейчас нужно сосредоточиться на более существенных вопросах.

– Так в чем будет заключаться лечение, доктор Максвелл? Удариться в загул и надеяться, что я распечтлюсь? Или продолжать очаровывать ее в надежде, что она сдастся?

Мой приятель громко фыркает.

– Откуда мне знать? – Бо поднимает свое пиво. – Я пьян, чувак. А если я выпил, лучше меня не слушать. – Он опустошает стакан и показывает официантке принести еще. – Черт, да даже когда я *трезвый*, лучше меня не слушать.

⁷ «Мир Уэйна» (англ. Wayne's World) – эксцентрическая комедия режиссера Пенелопы Сфирис с Майком Майерсом в главной роли.

8

Дин

Наш второй матч в сезоне – это настоящая катастрофа. Нет, не так. Это страшная, кровавая бойня.

Всю дорогу до раздевалки никто не произносит ни слова, унижение от победы ползет за нами, как лужица смолы. С таким же успехом мы могли стянуть вниз штаны, выставить в воздух задницы и попросить команду соперников отшлепать нас. Блин, мы протянули им победу на блюдечке. Вернее, мы протянули им победу *всухую!*

Стягивая с себя свитер, я мысленно проигрываю каждую секунду матча. Любая сегодняшняя ошибка нашей команды навсегда отпечаталась в моей памяти, как тавро. Проигрывать всегда отстойно. Проигрывать дома – еще хуже.

Елки-палки, сегодня в «Малоун» будет куча разочарованных фанатов. Я не горю желанием встречаться с ними и знаю, что мои товарищи по команде расстроены не меньше. Особенно Хантер, который так торопливо снимает с себя форму, как если бы по ней бегали сотни огненных муравьев.

– Сегодня ты сделал несколько отличных бросков, – говорю я ему, и это сушая правда. Пусть наша команда проиграла, не забив ни единого гола, но это не значит, что мы не пытались. Мы бились до последнего. Просто команда соперников оказалась немного сильнее.

– И было бы здорово, если бы хоть один достиг цели, – бубнит он.

Я сдерживаю вздох.

– Сегодня их вратарь был на высоте. Даже Джи не смог пробить его.

Именно в этот момент к своему шкафчику подваливает Гаррет и тут же спешит поддержать нахмуренного первокурсника.

– Не переживай так, парень! Сезон только начался. Мы еще наверстаем.

– Ага, конечно. – Хантера не переубедить.

Но мы не успеваем вселить в него надежду, потому что в раздевалку входит Дженсен, а за ним – Фрэнк О’Ши.

Тренер не теряет времени даром и произносит одну из своих коротких послематчевых речей. Как обычно, складывается ощущение, будто он говорит по пунктам.

– Мы проиграли. Это дерьмово. Но не сдавайтесь. Нам просто нужно еще больше стараться на тренировках и не ударить лицом в грязь в следующем матче. – Кивнув нам на прощание, Дженсен с хмурым видом уходит.

Я бы решил, что он зол на нас, но только его победные речи звучат примерно так же: «Мы выиграли. И это здорово. Но не обольщайтесь. Мы будем продолжать тренироваться с тем же усердием и выиграем еще больше матчей». Если кто-то из наших новичков ждал, что тренер скажет что-то эпичное и мотивирующее, наподобие речи Курта Рассела в фильме «Чудо», то их постигло жестокое разочарование.

О’Ши остается в раздевалке. Когда он подходит ко мне, я невольно напрягаюсь, но, к собственному удивлению, слышу:

– Хорошо страховал сегодня. Отличный блок во втором периоде.

– Спасибо. – Неожиданный комплимент пока вызывает подозрение, но О’Ши уже отошел к Логану, чтобы похвалить его за потрясающую силовую игру в третьем периоде.

Я бросаю форму в одну из огромных корзин для грязного белья, а затем направляюсь в душевую, где смываю с себя зловоние неудачи. Я ненавижу проигрывать, но никогда не позво-

ляю себе думать об этом больше десяти минут. Мой отец научил меня этой уловке, когда мне было восемь, – после сокрушительного поражения на поле для лакросса.

– У тебя есть десять минут, – сказал он мне, – на то, чтобы подумать о том, что ты сделал не так, и о том, как сейчас тебе плохо. Готов?

Он действительно нажал кнопку на своих часах, чтобы засечь время, и в течение десяти минут я размышлял, сердился и страдал от своего унижения. Я вспомнил каждую свою ошибку и мысленно исправил ее. Представил себе, как дал по зубам каждому игроку противоположной команды. А потом папа сказал, что мое время вышло.

– Ну вот, все закончилось, – сказал он. – Теперь ты должен смотреть только вперед и понять, как стать лучше.

Черт, до чего же я люблю своего отца!

Когда я выхожу из душа, то уже больше не чувствую горечи поражения, она засунута в папку под названием «Всякое дерьмо» в моем внутреннем архиве.

По-моему, у Гаррета есть точно такой же архив, потому что, когда мы встречаемся с Ханной на парковке, у него очень жизнерадостный вид. Он стискивает в объятиях Ханну и чмокает ее в губы.

– Привет, детка.

– Привет. – Она еще крепче прижимается к нему. – Ну и холодрыга! Не удивлюсь, если сейчас пойдет снег.

Она права. На улице морозно, и наше дыхание выплывает белыми облачками.

– В бар или домой? – спрашивает догнавший нас Логан.

– В бар, – отвечает Гаррет. – У меня нет настроения принимать сегодня гостей. Что скажете?

После матчей мы либо отправляемся в «Малоун», либо приглашаем наших товарищей по команде и друзей к нам домой, но, очевидно, сегодня никто не хочет устраивать вечеринку дома.

– В бар, – повторяет Логан, и я киваю в знак согласия.

– Мы ждем Такера? – Я осматриваю парковку, но нашего соседа нигде не видно. – И где Грейс?

– Так уже уехал с Фитци, – отвечает Логан. – А Грейс сегодня не придет. Она на радио.

С бесстрастным видом я поворачиваюсь к Ханне.

– А что насчет твоей второй половинки?

– Я здесь, – с хмурым видом отвечает Гаррет.

– Я имел в виду ее другую вторую половинку. – Я улыбаюсь Ханне. – Где твоя подружка, та маленькая блондинка, королева драмы?

– Сегодня у нее нет настроения выходить в люди. Она хандрит.

– Хандрит из-за чего? – Но я уже знаю ответ. Из-за бывшего парня, это же очевидно.

Ханна подтверждает мою догадку.

– Из-за Шона. Он звонил ей сегодня утром. Не знаю, о чем они говорили, но после их разговора она стала какой-то тихой и с тех пор хандрит. Я бы осталась с ней, но не хотела пропустить игру.

Гаррет наклоняется и целует ее в раскрасневшуюся от мороза щеку.

– Я рад, что ты пришла. Мы ценим твою поддержку, детка.

– Мне так жаль, что вы проиграли, – говорит Ханна, но меня больше заботит то, что Элли грустит в полном одиночестве.

Наверное, она сейчас утешается мороженым, а на заднем плане играют Mumford amp; Sons.

– Ты уверена, что тебе не нужно вернуться к ней, заплести ей косички, например? – спрашиваю я Ханну. – Вы ведь так поддерживаете друг друга, да?

– Да, Дин. Именно так. Заплетаем косички, потом устраиваем бой подушками голышом, а затем практикуемся в поцелуях.

– А мне можно прийти? – говорим мы с Логаном в унисон.

– Размечтались. И я пока не собираюсь домой. Я переписывалась с Элли во время третьего периода, и она заверила меня, что у нее все хорошо. Пьет «Маргариту» и смотрит свой ужасный сериал. Кстати, он действительно ужасный. Сегодня меня домой и силком не затащишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.